

ШКОЛА МЫСЛИ

Альманах гуманитарного знания

№ 4(16)

ШКОЛА МЫСЛИ

Альманах гуманитарного знания

№ 4(16)

Новосибирск 2017

Редакционный совет:

Сабиров В.Ш. (главный редактор)
Емельянов Б.В. (Екатеринбург)
Зимбули А.Е. (Санкт-Петербург)
Каримов А.Р. (Казань)
Панова Ю.В.
Соина О.С.
Фриауф В.А.(Саратов)
Чудинов С.И. (зам. главного редактора).

Школа мысли. Альманах гуманитарного знания. – Новосибирск. - 2017. № 4(16).

В альманахе "Школа мысли" представлены научные труды профессоров, преподавателей гуманитарных дисциплин и аспирантов, посвященные актуальным проблемам философского и культурологического знания. Авторы придерживаются различных мировоззренческих и методологических подходов, представляют широкую панораму теоретических воззрений, что создает возможности и предпосылки для конструктивного диалога между ними, а также служит хорошей школой для молодых ученых-гуманитариев.

Электронный вариант альманаха "Школа мысли" можно найти
на
сайте: <http://shkola-mysli.narod.ru>

ШКОЛА МЫСЛИ

Альманах гуманитарного знания №

4(16)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТИКА

<i>Соина О.С.</i>	Этическая футурология.....7
<i>Зимбули А.Е.</i>	Словарь этических паронимов.....14
<i>Игнатова Е.С.</i>	Национальное достоинство французов (на примере государственной языковой политики).....28
<i>Панова Ю.В.</i>	Основные ценности американского этоса42

ЭСТЕТИКА

<i>Ежов В.С.</i>	Эстетика формообразования телесности человека.....51
------------------	---

ГЕРМЕНЕВТИКА

<i>Сабиров В.Ш.</i>	Безносый ужас (три смысловых пласта повести Н.В. Гоголя «Нос»).....63
---------------------	--

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

<i>Василенко О.А..</i>	Карнавализация как следствие воздействия языкового трикстера (на примере России XIII века).....72
------------------------	---

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Сабиров В.Ш.</i>	Война и проблема национальной идентичности русских.....79
<i>Чудинов С.И.</i>	Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и вызовы турбулентного социума.....88

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТУПИЧОК

<i>Соина О.С.</i>	Мыслёнкин и вечно-женственное.....95
-------------------	--------------------------------------

Сведения об авторах.....	101
--------------------------	-----

SCHOOL OF THOUGHT

The Humanitarian Knowledge Almanac №4(16)

CONTENTS

ETHICS

<i>Soina O.S.</i>	Ethical futurology	7
<i>Zimbuly A.E.</i>	Ethical dictionary of paronyms	14
<i>Ignatova E.S.</i>	The national dignity of French.....	28
<i>Panova Yu.V</i>	The core values of the American ethos....	42

AESTHETICS

<i>Esjov V.S.</i>	Aesthetics of the human physicalityshaping.	51
-------------------	---	----

HERMENEUTICS

<i>Sabirov V.Sh.</i>	Noseless horror	63
----------------------	-----------------------	----

PHILOSOPHY OF HISTORY

<i>Vasilenko O.A.</i>	Carnivalization as a consequence of the language trickster effect.....	72
-----------------------	---	----

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Sabirov V.Sh.</i>	War and problem of national identity of Russians.....	79
<i>Chudinov S.I.</i>	The National security strategy of the Russian Federation and the challenges of the turbulent society.....	88

INTELLECTUAL CUL-DE-SAC

<i>Soina O.S.</i>	Myuslenkin and eternally feminine.....	95
-------------------	--	----

Information about the authors.....	101
------------------------------------	-----

ЭТИКА

О.С. Соина

г. Новосибирск

ЭТИЧЕСКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ

Аннотация: в статье предпринята попытка этического прогноза на развитие морали в обозримом будущем

Ключевые слова: этика, мораль, нравственность, релятивизация, редукционизм, сотериология, спасение, помощь.

O. S. Soina

Novosibirsk

ETHICAL FUTUROLOGY

Abstract: *the author attempts to make an ethical forecast of the morality development for the foreseeable future*

Key words: *ethics, morals, morality, relativisation, reductionism, soteriology, salvation, help.*

Проблема будущего морали является одной из самых дискуссионных в современной философской литературе. Отчасти это связано с масштабными социально-политическими и экономическими переменами, происшедшими в человеческом обществе в конце XX столетия, и в какой-то мере – с острейшим духовным кризисом, переживаемым в целом всей европейской культурой и в значительной степени затрагивающим и Россию. Многие философы склонны делать из этого обстоятельства различные, зачастую противоречащие друг другу выводы. Так, современный американский философ А. Макинтайр в книге с весьма характерным названием «После добродетели», в частности, утверждает, что эпоха всеобщности и универсальности моральных представлений безвозвратно канула в прошлое. «...В области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Но мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретическое, так и практическое»¹. Сейчас мы фактически имеем дело с невозможной до сих пор предельной субъективацией и релятивизацией самой морали как таковой, утратившей к концу XX века такие необходимые качества и

¹ Макинтайр А. После добродетели. М. ; Екатеринбург, 2000. С. 7.

характеристики, как:

- присутствие в нравственном сознании личности и в системе социокультурных отношений четких **критериев различения добра и зла**;
- готовность духовной воли индивида к осуществлению **акции нравственного выбора** – как в сфере поведенческих инициатив, так и в области мировоззренческих реалий – социально-гражданского и духовно-нравственного идеалов, осмысления целей и ценностей человеческого бытия;
- потребность в нравственном творчестве, самовыражении в сфере этических представлений, классифицировавшем и закрепившем в культуре размышления индивида о высших и совершенных типах человеческого поведения – благородстве, самоотверженности, бескорыстии, милосердии, самопожертвовании и т.д.;
- институализация основных этических нормативов, конкретизирующих моральные оценки и предписания в системе социально-гражданских отношений – общественном мнении, теории и практике нравственного воспитания, формах и методах управления и пр.

По мнению же других философов, эта деперсонализация и десоциализация морали связана отнюдь не с оскудением ее ценностного содержания, но, наоборот, с поглощением ее пространством новых социокультурных смыслов – религиозных, эстетических, экономических, политических, технологических, представляемых новой эпохой становления и развития человечества – **эпохой постмодерна**. Так, согласно воззрениям немецкого культуролога П. Козловски, в переживаемой человечеством новой социально-исторической эпохе ни одна из форм человеческого знания (религия, наука, философия, мораль и т.п.) отнюдь не является приоритетной и главенствующей, ибо любая из них представляет только одну из возможных «истин» о бытии и потому ни в коей мере не может претендовать на всеохватность и универсальность своей позиции. «В философии и науке не всегда существует только один дискурс и одна самая прогрессивная ступень сознания, но в истории наряду друг с другом существует большее число вариантов исследований. <...> В культуре также не заложен автоматизм добра»². Однако нельзя не заметить, что в данном случае мы имеем дело не с **релятивизацией** морали, но, скорее, с духовно-ценностным ее

²

Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 32, 217.

редукционизмом, как правило, появляющимся в периоды острейших социальных потрясений и возникновения новых форм культурно-исторического бытия человечества. Так, например, в эпоху раннего Средневековья, когда ценности и нормы Античности практически исчерпали себя, а новые нравственные ценности еще просто не появились на свет, место морали оказалось занятым укрепляющейся и становящейся все более и более влиятельной религиозной культурой, во многом определившей поведение, житейские устои и духовно-нравственные идеалы человека той эпохи. Когда же ценности и идеалы Средневековья начали утрачивать свое влияние на нравственное самосознание личности, место **теономной** (религиозно ориентированной) морали начала занимать не идея Божественного добра, воплощенного в образе Богочеловека Иисуса Христа, но идеал совершенной красоты сам по себе, независимо от того, кто являлся ее духовным источником – высшие надчеловеческие инстанции или же обыкновенные земные люди, отнюдь не наделенные исключительными нравственными добродетелями, но зато снедаемые почти сверхчеловеческой жадой творчества.

Как отмечали многие знатоки и исследователи эпохи Возрождения, именно сакрализация творческих способностей человека и самым непосредственным образом связанная с ней эстетизация действительности не могли не обесценить мораль как таковую, что, в свою очередь, не могло не дезорганизовать нравственную жизнь личности – вплоть до утраты ею основополагающих этических представлений. Потрясающий пример такой крайней расшатанности нравственного бытия человека, усомнившегося во всем, кроме чисто эмпирической реальности любовного чувства, нам оставил великий английский драматург и поэт У. Шекспир в своем знаменитом 66 сонете:

*Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.*

*Всё мерзостно, что вижу я вокруг,
Но как тебя покинуть, милый друг!*³

Что же касается современной эпохи, то разочаровавшись в идеологическом обосновании морали постулатами коммунистической или либеральной доктрины, она, как и в уже пережитые человечеством времена великих социокультурных потрясений, вновь побуждает человека к осмыслению места морали в новом культурно-историческом бытии. В этом смысле будущее морали самым непосредственным образом зависит от того, что станет источником нравственного переживания как такового: глубина и сила религиозного опыта, открывающего человеку духовные источники нового этоса; глубочайшие социально-экономические трансформации, вновь ставящие перед человечеством проблему справедливости и пропорционального распределения совокупного общественного продукта; небывалые по масштабу природные катастрофы, угрожающие самому существованию народов и человечества в целом; новейшие достижения науки и техники, дерзновенно проникающие в святая святых человеческого естества и при этом откровенно попирающие многие элементарные его права и обязанности.

И все же эта утрата современным социумом единой ценностной нормозадающей всеобщности, исторически и социокультурно отождествляемой с «моралью», на наш взгляд, отнюдь не должна настраивать исследователей слишком пессимистически. По существу, хотим мы этого или не хотим, но именно трагические противоречия нравственного бытия современного человека, разуверившегося во всем, кроме безудержной жажды существования «несмотря ни на что» и «вопреки всему», вызывают нас не только к новому *оправданию морали* (как сказал бы Вл. Соловьев), но и к новому *оправданию этики*, как философскому знанию о реалистических и конкретно-достоверных способах восстановления у человека самой способности жить и действовать *нравственно обоснованным образом*, воссоздавая возможности новых связей, союзов и отношений.

Морали, стремящейся вновь завоевать симпатию и внимание человечества, необходимо выйти из сферы сугубо нормативных предписаний и социокультурной дрессуры, фактически усваиваемых сугубо рациональным, рассудочным образом, и обрести себя в *сверхразумности*, т.е. в том, что находится гораздо выше способностей эмпирического человека и благодаря чему он получает возможность жить обновленной и преображенной жизнью, изменяя себя и окружающий его мир. Это сверхрациональное, т.е. *духовное* измерение

3

Шекспир У. Полн. собр. соч. : в 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 460.

морали, воссоединяющее человека, несмотря на все его житейское несовершенство, с «миром горним и высшим» (по прекрасному выражению Ф.М. Достоевского) глубоко осознавали великие мастера слова.

О морали, которая не ищет «своего» - нормативного и нравственно-безупречного, но предпочитает человека во всей полноте имеющегося в нем хорошего и дурного, свободного настолько, насколько свободен в нем извечный порыв к сверхрациональной полноте Божественного совершенства, писала в свое время великая французская писательница Жорж Санд, по-своему и очень глубоко ощущавшая коллизию между моралью «долженствования» и реалиями нравственного бытия человека. Вот как характеризует одна из лучших ее героинь певица Консуэло артистические нравы своей эпохи, замечая, что, несмотря на все свои дурные качества, люди поразительным образом оказываются способными быть *выше* самих себя: «Человеческая душа даже в заблуждении сохраняет нечто благодатное и великое, к чему чувствуешь уважение и в чем с радостью находишь те священные следы, которые являются как бы печатью Божьей десницы. Там, где можно пожалеть, найдется и что простить, а где есть что простить (...), там есть за что полюбить. Эта бедная Корилла, живущая как животное, иногда поступает как ангел. (...) ... Я чувствую, что если останусь артисткой, то должна привыкнуть без ужаса и гнева смотреть на все эти гнусности, среди которых протекает жизнь погибших женщин. Ведь и они, эти падшие, колеблются между жаждой добра и влечением к злу, между опьянением и раскаянием. (...) Мое сердце призвано сочувствовать, помогать, жалеть и утешать»⁴.

Итак, если мораль определяется тем, насколько она способна стать *духовной* в самом полном и серьезном значении этого слова, то какую же должна быть современная этика как учение о нравственных устремлениях человека, зачастую превышающих его сугубо эмпирические возможности?

На наш взгляд, *этика будущего*, обращенная к высшим духовным возможностям человека и при этом отнюдь не пренебрегающая его сугубо земным предназначением, уже не может довольствоваться абстракциями, но принуждена обратиться к тем простым и ясным основаниям человеческой нравственности, которые вопреки многочисленным теориям о ней являются настолько очевидными и неопровержимыми, что вполне доступны самым невзыскательным и не мудрствующим лукаво обычным земным

⁴ Санд Жорж. Консуэло. Кн. 2. С-Пб., 2007. С. 425.

людям. Нам представляется, что *этикой будущего*, суждено стать такое ее содержание, которое будет так или иначе связано с *идеями спасения* всех тех, кто вопреки приоритетным устремлениям современной эпохи, возжелал сохранить свою душу в вечности и по мере своих сил и возможностей обезопасить как свое собственное существование, так и бытие своих близких на земле. На какое же *этическое понятие* она должно опираться, чтобы определить себя в аспекте нравственно-философского знания?

Согласно нашему убеждению, таким универсальным понятием в равной мере объединяющим сверхрациональные устремления морали будущего, и жизненно-прагматические упования этики, может быть *только феномен помощи* человека человеку, преодолевающий ужас и безысходность этого мира и вместе с тем свидетельствующий о неискоренимом благородстве человеческой души, не признающей моралистической селекции различных представителей человечества на извечно «плохих» или извечно «хороших» и помогающих и тем и другим на том основании, что все они так или иначе являются людьми. Так, именно в *помощи* воссоединяются и духовные, и моральные аспекты *этики*, ибо, возникая из аффектированного нравственного переживания – *страдания*, вызванного впечатлением чужого несчастья (вспомним евангельскую притчу о добром самаритянине), она неизбежно предполагает целый комплекс разделенных нравственных чувств: *со-страдания*, *со-чувствия*, и *со-причастия*, счастливым итогом которых оказывается отнюдь не тот или иной моральный принцип, не желание переделать мир по «новому штату», но направленная на скорбящего «деятельная любовь» (выражение Ф.М. Достоевского), дарующая ему новую достойную жизнь. Только во *взаимопомощи*, понимаемой как основание будущей этики, возникают и альтернативные формы некой новой социальности, диаметрально противоположные антиэтическим в своем предметном значении идеям самодостаточности индивида, добивающегося успеха «любой ценой». По существу именно эти древние, как мир, но при этом вечно актуальные структуры нравственных взаимоотношений и будут составлять сущность и содержание этоса будущего, возникающего как бы вопреки «веяниям времени» и нивелирующим тенденциям общесоциального прагматизма.

На наш взгляд, именно в идее помощи, глубоко отвечающей сущности нравственной природы человека и вместе с тем составляющей суть и смысл любого подлинно *морального действия*, как ни в каком ином понятии выявляются духовно-антропологические основания этики, взаимодополняющие друг друга именно вследствие

их принципиальной неразделимости в реальной нравственной жизни.

- Так по существу, в духовном смысле любая помощь *безмерна*, ибо никакое ответное действие не может покрыть *в равной мере* полноту проявленного милосердия и уж тем более «скалькулировать» его материальное содержание;
- Будучи «сверхразумной» в своих житейских проявлениях, помощь никогда не укладывается в границы рационально-утилитарных отношений, но всегда превосходит их тем или иным образом. Именно в помощи, щедрой, индетерминированной и всегда бескорыстной, побеждается рационалистический эгоизм индивидуалистической самодостаточности, ибо помогая другому, человек самым полным и глубоким образом *забывает себя, спасая* подлинность человеческих отношений;
- Представляя собой уникальный в своем роде способ *расширения* духовных возможностей человека (вспомним знаменитое суждение Спасителя о том, что именно в помощи «... левая рука твоя не знает, что делает правая ...»⁵), в сотериологическом смысле именно помощь есть *то*, что парадоксальным образом оказывается *наверху* всех человеческих отношений, утверждая в них одновременно и их высшие трансцендентные возможности, и их сугубо земную эмпирическую основу;
- В этическом смысле помощь глубоко и последовательно *неморалистична*. Будучи неизбирательной в своих предметных основаниях и не осуществляя селекции на «достойных» и «не достойных» поддержки и участия, помощь, вопреки многим абстрактно формулируемым этическим принципам, исходит из убеждения в *нравственной целостности человечества*, где *все спасают всех*, движимые единым и всепобеждающим порывом милосердия;
- Являясь глубоко парадоксальной в сугубо нравственном отношении, поскольку в реальной нравственной жизни добрые нередко помогают злым, а злые – добрым, помощь фактически предполагает, что *нравственно недостойных попросту не существует*, за исключением тех, кто почему-либо оказался вне сферы естественных человеческих взаимосвязей.

Наши предположения относительно будущей морали находят уже многочисленные подтверждения в реальностях современной жизни. Так, например, в последние годы в мире и в нашей стране получило

⁵

Мф. 6; 3.

развитие волонтерское движение: в основном молодые люди оказывают помощь старикам и детям-сиротам, проводят разнообразные общественные мероприятия (очищают от мусора берега рек и дно водоемов, благоустраивают дворы, сажают деревья и кустарники и т.д.). Все это делается, подчеркнем, на безвозмездной основе. Волонтерское движение ширится: возникнув в больших городах, оно стало проникать в маленькие городки и сельскую местность.

А.Е. Зимбули
г. Санкт-Петербург

СЛОВАРЬ ЭТИЧЕСКИХ ПАРОНИМОВ

Аннотация:

В словарном запасе любого, в том числе русского, языка существуют такие формы, которые на слух и при чтении порой выглядят сходно, и из-за этого сходства могут происходить различные казусы. Но одно дело, если речь, например, идёт о словах типа «одеть» / «надеть», – тут в конечном счёте главное, чтобы в холодную погоду шапка, пальто и перчатки оказались на человеке, а не оставались в шкафу. И совсем другое дело, когда в более серьёзных жизненных ситуациях, в учебных или научных текстах сопоставляются слова «дерзновение» / «дерзость», «злой» / «злобный», «жёсткий» / «жестокий», «беглец» / «бегун» / «беженец», «воинский» / «воинственный». Ведь в подобных сопоставлениях похожими словами обозначаются существенно разные явления, путаясь в которых, мы неизбежно сталкиваемся с реальными проблемами взаимонепонимания. Такие лексические «соседи» именуются паронимами (от др.-греч. *пара-* = возле, рядом + *ὄνυμα* = «имя»).

В собранных текстах предпринята попытка представить подборку паронимов, которые наиболее очевидным образом значимы для этики, то есть, фактически, – для понимания того, насколько наши-людские взаимоотношения способны складываться гуманно, достойно, справедливо. Тексты, присланные в редакцию альманаха «Школа мысли» содержат паронимы, начинающиеся на буквы Ш и М.

A. E. Zimbali
Saint-Petersburg

ETHICAL DICTIONARY OF PARONYMS

Abstract:

At any vocabulary there are some forms that look similar. This similarity can make some confusion. In some cases, the similar words identify very different phenomena thereby we face problems of misunderstanding. These lexical "neighbors" are called paronyms.

The author attempts to present a selection of the most important ethic paronyms to understand that our human relationships can be humane, dignified and fair. The article contains the paronyms starting with the Russian letters "Ш" and "М".

Школьный / Школярский

Школьный = свойственный, принадлежащий школе, предназначенный для школы, относящийся к школе. *Ш. учебник. Школьная столовая. Ш. сторож. Ш. товарищ. Ш. хор. Ш. звонок. «Ш. учитель – это очень большая ответственность, ответственность перед будущим нашего народа и нашей страны» (Марина Зосимкина). «К счастью, взрослый мир не так жёстко устроен, как Ш.» (Григорий Тарасевич). «Вчера с грустью думал о том, что детство уже пролетело, надо идти в старшие классы, сдавать выпускные... потом Ш. бал, аттестат, а там и старость не за горами» (из Школьного юмора).*

Школярский = (от «школяр»: когда-то = школьник; теперь пренебрежительно) несамостоятельный, начётнический, формальный. *Ш. подход. «Школярские манеры изживаются не скоро» (Михаил Кураев). «Дух прежнего “Школярского” отношения к науке испарялся во мне с каждым днём <по крайней мере относительно тех предметов, где “зубрёжку” возможно было заменить свободным умозрением> – к изумлению меня самого и моих старых наставников» (Н.Н.Златовратский). «Склонность к протестантизму могла быть преодолена только возвращением к историческим источникам Восточного Православия, творческим восстановлением когда-то живой культурной традиции – но никак не Школярским заучиванием неактуальных для России “достижений” западной мысли» (Г.В.Флоровский).*

Шумливый / Шумный / Шумовой

Шумливый = «склонный к шуму, охочий шуметь» (В.И.Даль) (о людях и человеческих действиях). *Ш. табор. Шумливые дети. Ш. разговор. Ш. гвалт. «Он был крикун, толстый, Ш. и нечист на руку*

по части книг» (Ю.В.Трифонов). «Если бы не Ш., гвалтолюбивый израильский народ и беспрерывно снующие туда-сюда и визжащие дети, постоянно что-то или жующие, или пьющие, было бы скучно!» (Евгений Весник).

+ = (иногда) производящий шум (о неодушевлённых предметах и явлениях природы). Ш. самовар. Ш. водопад. Ш. ливень. «На дощатом столе в чистой комнатке появился Ш. самовар» (К.С.Бадигин). «За широкой аркой начинался самый Ш. цех – машинный» (А.Г.Малышкин).

Шумный = производящий шум (о неодушевл. явлениях, процессах). Ш. поток. «В ущелье там бежал поток, / Он Шумен был, но неглубок» (М.Ю.Лермонтов). «– А вот бензопилу я бы вам братъ не советовал, – сказал Марат Андреевич. – Слишком Ш. агрегат. Возьмите обыкновенную, столярную...» (Михаил Елизаров). «Высокая цена, Ш. мотор, тесный сзади салон, отсутствие защиты снизу, невысокое качество сборки» (Юрий Нечетов).

+ = о людях, склонных производить шум, или об их совместных делах. Ш. сосед. Ш. новичок. Шумное собрание. Ш. митинг. «Брат уже не такой весёлый, но всё ещё Ш.» (Татьяна Соломатина). «Станичники накануне Нового года провели в Ицерской Ш. митинг, на который съехались казаки из Ставрополя» (Николай Гритчин). «Художники – народ Ш., и, если стоит тишина, значит, происходит нечто особенное» (Владимир Скрипкин).

+ = про места оживлённого движения и общения. Ш. перекрёсток. Ш. ресторан. Ш. базар. Ш. город. «Он обошёл стол, прошёлся по кабинету, подошёл к окну, некоторое время смотрел на Ш. проспект, покрытый лёгким снежком» (Даниил Корецкий). «Казимир зашёл в длинный Ш. универмаг, где от зеркал рябило в глазах» (Дарья Симонова).

+ = (букв. и перен.) выражающий реально заслуженное и искренне выражаемое одобрение, похвалы. Ш. успех. Шумное одобрение. Ш. восторг. «Среди тогдашних удачных работ театра особо Ш. успех выпал на долю “Трембиты” Ю.Милютин» (Татьяна Шмыга). «Напротив, В.Г.Бенедиктов, С.Я.Надсон, И.Северянин вызывали Ш. восторг современников, но скоро оказались оттеснёнными на периферию литературной жизни» (В.Е.Хализев).

+ = (перен.) связанный с искусственно создаваемыми сенсациями, подстёгиваемыми толками, пересудами. Ш. скандал. Шумная история. «Это был Ш. карнавал лицемерия, устроенный по американскому образцу» (Леонид Ковров). «[...] Очередной Ш. проект запущен на полную мощность, внимание публики привлечено к мнимому скандалу

и отвлечено от реальных проблем реальной жизни» (Александр Архангельский).

Шумовой = связанный с громкими разнохарактерными малоинформативными звуками. *Ш. заряд. Шумовая “загрязнённость”. Шумовые помехи. Шумовая граната. Самодетельный Ш. оркестр. «По мнению коменданта, “целью организаторов взрыва было создать Ш. эффект и вызвать панику среди участников парада, поскольку до стадионе могли долететь лишь единичные осколки фугаса”» (Чекист.ру. 17.05.2017). «В секретных лабораториях военных ведомств многих стран давно ведутся работы по созданию инфразвукового и Шумового оружия» (С.В.Рязанцев).*

Шуточный / Шутливый / Шутовской / Шутейный

Шуточный = весёлый, забавный, несерьёзный (что). *Ш. обряд. Ш. приз. Ш. «радиорепортаж». «Он уже нынче утром, говоря с нею о самых серьёзных вещах, впадал в Ш. тон» (Л.Н.Толстой). «Я помню, что как-то раз послал Брюсову Ш. сонет с рифмой на “сердце”» (В.Г.Шершеневич). «Ш. бой превратился в серьёзную потасовку» (Татьяна Соломатина).*

Шутливый = склонный к весёлым проделкам, остротам (кто). *Ш. собеседник. «Назойливо Ш. старик» (К.И.Чуковский). «Царям нравился Ш. казак; от Александра III удостоился Лука самых благодарственных слов: “Спасибо, Лука, за молодецкую службу”» (В.Лихоносов). «Думаю, что он, хотя и носит несколько Ш. характер, ответит на заданный вопрос» (Владимир Шахиджанян).*

+ = то же, что шуточный: весёлый, забавный, несерьёзный. *Ш. тон. Ш. характер. Шутливое замечание. «Весёлый и Ш. нрав Алексаики очень пришёлся по вкусу Лефорту, который, как француз, отличался всегдашнею добродушной весёлостью, любезностью и уживчивостью» (Н.И.Костомаров). «Во всех его письмах того времени, несмотря на Ш. тон, сквозит та скука, даже тоска, которую он часто испытывал в Ялте» (Т.Л.Щепкина-Куперник). «Немцы кончили петь, и между ними возник Ш. пьяный спор» (А.А.Фадеев).*

Шутовской = свойственный или принадлежащий профессиональному шуту. *Ш. колпак. Ш. наряд. «Оденьте меня в Ш. наряд, – говорит он, – разрешите мне говорить свободно, и я прочищу гнусное тело заражённого мира, если только захотят принять моё лекарство» (М.М.Морозов). «Другой боярин, Михаил Репнин, человек степенный, не позволил царю надеть на себя Шутовские маски в то время, когда*

пьяный Иван веселился со своими любимцами» (Н.И.Костомаров). «Ш. кафтан не всегда прикрывает дурачество» (Ф.В.Булгарин).

+ = нарочито весёлый, паяснический. Ш. поклон. Шутовская улыбка. «Но так как у всех был ещё в памяти недавний “Ш. либерализм”, то приходилось действовать с крайней осторожностью» (М.Е.Салтыков-Щедрин). «А в отношении Хрущева подобный несерьёзный Ш. тон никого не удивлял» (Борис Ефимов). «А тон был одесский, Ш.» (Ю.О.Домбровский).

Шутейный ~ шутливый: весёлый, забавный, несерьёзный. Ш. разговор. Ш. бой. «Ш. стиль общения считался хорошим тоном» (Сергей Юрский). «Язык у него был для разной были свой, неповторимый: то весёлый, Ш., с подкашливанием, с подкрякиванием, с игрой глаз и бровей, то мрачный, злоеющий, с пристальным взглядом, с угрожающими жестами, с ожиданием в глазах, то песенный, спокойный и умиротворяющий» (Ф.В.Гладков).

Материнский / Матерный

Материнский = свойственный, принадлежащий матери. Материнская любовь. Материнская забота. М. капитал. «Материнская молитва со дна моря достанет» (посл.). «Посылаю моё Материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит?» (А.С.Пушкин).

Матерный = «пахабный, непристойно-мерзкий» (В.И.Даль). «До завтрака я излил на бумагу весь свой М. арсенал» (Михаил Елизаров). «М. загиб» (об устоявшихся речевых формулах, содержащих подобные выражения). «Интеллигенты с необыкновенной скоростью осваивали Матерную речь и блатную “феню”» (Е.М.Мелетинский).

Мелкий / Мелочный / Мелочный

Мелкий = небольшой по размеру, значимости, финансовым возможностям. М. шрифт. Платье в М. горошек. М. дождь. М. бизнес. М. клерк. «Мысли были спутанные, отрывочные, неуловимые, как раскатившиеся по ухабам дороги Мелкие монеты» (Ф.Д.Крюков). «Рассмотреть Мелкие детали не удаётся» (М.Дмитревский).

+ = неглубокий. М. ручей. М. залив. «Поблизости подрагивала и шумно бранилась на кого-то Мелкая речка, скача по каменистым порогам» (Ирина Краева). «[...] Казакевич пробовал плавать и едва не утонул в Мелком пруду, где вода едва до шеи достаёт» (Андрей Троицкий).

+ = (разг.- пренебрежительное, о детях) ~ малыш. «Я не помню той маминой поездки, я ведь был совсем М. тогда» (Дина Сабитова). «Она была из самых Мелких, из недоростков, невзрачная и

неценная, как воробей или подорожник» (Людмила Улицкая).

+ = недостойный уважения. *М. завистник. М. разговор. М. версификатор. «М. бес» (Фёдор Сологуб). «Тридцать сребреников для Мелкой душонки всегда будут достаточной приманкой» (В.В.Крестовский).*

Мелочнóй = относящийся к торговле мелкими вещами, мелочью. *М. товар. Мелочная лавка. Мелочная торговля. «В тёплом кожаном полушубке и валенках я брожу по казанскому базару, где прямо на снегу раскинулась Мелочная торговля старьёвщиков» (М.А.Осоргин). «Нужно ли говорить, что Мелочная торговля чаем не удовлетворила Василья Игнатова, он пустился в оптовую [...]» (А.Ф.Вельтман).*

Мелочный = фокусирующий внимание на пустяках, незначительным обстоятельствам. *М. характер. Мелочная придирка. «Недалекий и М. отец жестоко притеснял сына» (Руслан Киреев). «Добрый, невероятно широкий, любил детей, никогда не был Мелочным» (Лидия Вертинская).*

Местный / Местечкóвый / Местнический

Местный = относящийся к определённой территории, местности, обстановке; здешний. *М. музей. Местная администрация. Местные обычаи. Местные продукты. «Осмотрев Местные достопримечательности и отобедав поочерёдно у всех якутских хлебосолов, у которых нашли мы сердце гораздо лучше их “красного ротвейну”, всякий из нас начал думать об отъезде в свою сторону» (О.И.Сенковский). «Зовут Яша. М. авторитет. Весит двести килограммов, содержит пять жён» (Екатерина Романова, Николай Романов).*

Местечкóвый = (от слова «местечко» = небольшой провинциальный населённый пункт) свойственный местечку, принадлежащий ему. *М. патриотизм. «Со всех сторон осторожно тикали часы, на окне цвела пеларгония, и часовщик, глядя в чёрную лупу, рассказывал мне Местечковые новости» (К.Г.Паустовский). «Что это у вас за М. комплекс неполноценности, выкиньте эту чушь из головы!» (Василий Гроссман).*

Местнический = свойственный групповым интересам, утверждающимся в ущерб общему делу. *М. подход. «Задолго до него сложился М. принцип подбора и расстановки кадров» (Валерий Лебедев). «Отсюда Местническое восприятие мира и его проблем» (Валентин Лебедев).*

Методический / Методичный

Методический = связанный с совокупностью способов обучения или выполнения какой-либо деятельности. *М. материал. Научно-М. центр. М. опыт. «Самостоятельно вырабатывать М. инструментарий способны совсем немногие педагоги» (Александр Привалов). «Методическая система Шаталова опирается на естественные законы усвоения знаний» (Сергей Виноградов).*

Методичный = последовательный, продуманный, планомерный. *Методичное формирование общественного мнения. « – Мотивы вашего прыжка? – допытывался М. профессор» (Валерий Попов). «Это не было Методичное изучение военного дела – это было лишь нахватывание научных верхов» (П.Н.Краснов).*

Милый / Милейший

Милый = славный, привлекательный, приятный. *Какой М. ребёнок! Очень М. пейзаж. «Итак, моему мутному взору открылась Милая картинка» (Андрей Белянин). «Он делал, в общем, то же самое, что и Мессинг, но с большим юмором, легко, превращая всё в Милое шоу» (И.Э.Кио).*

+ = дорогой, любимый, близкий сердцу. *«Мой единственный, мой М., не думай ни о чём» (М.А.Булгаков). «Милые бранятся – только тешатся» (русская посл.). «М., где ты ишьешься?» (Дарья Донцова).*

+ = вежливое обращение. *«Ах М. барин, добрый барин» (русская нар. песня). «В 20-х числа ноября, прошел Пленум (это, М., что-то вроде совета директоров ЗАО*

“Коммунизм”))» (Александр Архангельский). «Шлю Вам горячий привет, Милая Надежда Матвеевна» (И.К.Архипова).

Милейший = обходительный, приветливый. *«М. и добрейший человек» (Виктор Астафьев). «М. и тишайший муж» (Нина Катерли). «Оказлось, Милейшие люди, у них те же проблемы, что и у нас» (Ольга Тимофеева).*

+ = в обращении (чаще всего ирон.). *«А, М. барон Майгель, – приветливо улыбаясь, обратился Воланд к гостю» (М.А.Булгаков). «Вам показалось, М., [...] это не я» (Николай Желунов).*

Мирный / Мировой/ Мирской

Мирный = доброжелательный, дружелюбный, противоположный военному. *М. договор. Мирная беседа. Мирное время. «Мы Мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути» (Михаил Светлов). «К концу лета стало ясно, что Мирная инициатива*

Садата зашла в тупик» (Олег Гриневский).

Мировой = глобальный, распространяющийся на масштабы всего земного шара. *М. опыт. М. рекорд. Мировая война. Мировая экономика. «В этом документе среди прочих рассматривается и сценарий, при котором Мировые цены на нефть упадут до уровня 13 – 13, 5 доллара за баррель» (Максим Блант). «Эти проблемы не должны мешать нам вместе строить более безопасный и справедливый М. порядок» (С.В.Лавров).*

+ = (юридич.) связанный с решением споров, тяжбы без обращения к суду. *Мировая сделка. Мировое соглашение. «Термин “Мировой судья” восходит к судебной реформе 1864 года» (Виктор Жуйков). «Процесс продолжается, и, вероятно, стороны договорятся без суда, например, заключив Мировое соглашение» (Кирилл Пальшин).*

Мирской = в противопоставлении «М. / религиозный» означает принадлежность к обыденной, светской, внерелигиозной сфере жизни. *Мирская власть. Мирская слава. «Средь шумного бала, случайно, / В тревоге Мирской суеты» (А.К.Толстой). «Потому что власть помимо того, что удовлетворяет их амбиции, несёт им также богатство, привилегии и всевозможные Мирские удовольствия» (Андрей Ростовский).*

Могильник / Могильщик

Могильник = место захоронения. *Скифский М.. М. для захоронения боеприпасов (или радиоактивных отходов). «Мертвецы из М. были, скорее всего, воинами» (Алексей Иванов). « – А правда, что в Могильнике водятся привидения?» (Мариам Петросян).*

Могильщик = работник кладбища, который роет ямы для погребения усопших. *Знаменитый М. из «Гамлета». «Впереди в запачканной глиной одежде, с лопатой на плече шагает М., хмурый и равнодушный, как все представители этой профессии» (Г.Александров). «М. с золотым зубом во рту» (А.Т.Твардовский).*

+ = (перен.) тот, кто несёт кому-то гибель. *«Так в лоне веймарской демократии зрел и вооружался её М. и наследник – третий рейх национал-социализма» (Н.В.Устрялов).*

«На протяжении всего моего детства на здании «Палаты» в дни 7 ноября и 1 мая вывешивался один и тот же плакат «Коминтерн – М. капитала»» (А.Д.Сахаров).

Могучий / Могущественный

Могучий = мощный, сильный, жизнеспособный. *М. алтет. М. лес. М.*

Енисей. *«Да здоровствует созданный волей народов / Единый, М. Советский Союз!»* (С.В.Михалков. Текст «Гимна Советского Союза»).
*«Во дни сомнений и тягостных раздумий о судьбах
 моей Родины ты один мне поддержка и
 опора, о великий, М., правдивый и свободный
 русский язык»* (И.С.Тургенев).

Могущественный = обладающий большой силой, крепостью и властью. М. владыка. М. повелитель. *«М. финансист, купивший и положивший в свой карман целый город вместе с администрацией и всей правоохранительной системой богатый, как Крёз»* (Александра Маринина). *«Но у этого сборника есть М. враг, Ойзерман»* (В.В.Бибихин).

Молодеть / Молодить

Молодеть = (о разумных субъектах) ощущать, осознавать себя более молодым. М. душой и телом. *«Я слушаю тебя и сердцем Молодею»* (А.С.Пушкин). *«Пушкин, по его словам, каждой осенью расцветал вновь. Каждую осень он Молодел»* (К.Г.Паустовский). *«Старуха-манекеница Молодела у всех на глазах»* (Феликс Кривин).

+ = (о процессах, объектах) распространяться на более молодых субъектов, включать в себя всё более молодых субъектов. *Сёла стали М.. Близорукость нынче Молодеет. «Увы, сердечно-сосудистые заболевания стремительно Молодеют»* (Дарья Донцова). *«Средний возраст российского учёного – 56 лет (в развитых странах – около 45), и М. наша наука явно не собирается»* (Екатерина Григорьева, Сергей Лесков).

Молодить = придавать более молодой вид. Эта причёска Вас Молодит. *«Когда Чехов умер, Суворин, печатая о нём сочувственную заметку, сказал, между прочим, так: – Он Молодил меня»* (Н.М.Ежов). *«[...]Очень Молодила привратницу зажата в руке недогрызенная морковка»* (Александр Щербаков). *«Глупость очень Молодит»* (М.Л.Гаспаров).

Молодой / Моложавый / Молодящийся

Молодой = не достигший зрелого возраста, ещё не старый. Молодое поколение. Молодые литераторы. *«Кадровый кризис, сокращение числа Молодых учёных ставят под сомнение само будущее российской науки»* (Татьяна Зиминая). *«Издание подготовлено в рамках программы поддержки Молодых учёных [...]»* (В.В.Богомольников).

+ = недавно появившийся, только начавший расти, существовать. М. бамбук. М. месяц. *«Когда же вековое дерево упало, глазам*

присутствующих предстала росшая позади него и как будто возродившаяся на месте старого дуба Молодая ёлка – нежная и стройная» (Н.Ю.Феоктистова). «Эта Молодая отрасль буквально утопает в жалобах клиентов на обман и низкое качество обслуживания со стороны операторов сотовой связи» (Эльмар Гусейнов).

+ = (обычно в множественном числе) Молодые = новобрачные, только что ставшие супругами или даже ещё только проходящие торжественную регистрацию. «А теперь пусть М. обменяются кольцами» (обычная фраза в ЗАГСе). «Другой день вручали подарки Молодым, и безумно жалко было жениха и невесту, кивавших и обнимавших каждого много часов кряду, пока росла за ними гора ненужных свёртков, упаковок и конвертов» (Анастасия Цветкова).

+ = (о продуктах, напитках) недавнего приготовления. М. сыр. Молодое вино. « – Вон, в наружной нише под крышей бокового дома сложено не мало бутылей с таким же, но ещё М. соком, – кивнул мне «хозяин» в сторону подъёмных дверей [...]» (П.И.Огородников). «После плодотворного труда можно было и вовсе расслабиться, забыть на время рутинные заботы, пить Молодое вино и петь озорные песни» (Василь Быков).

Моложавый = выглядящий моложе своих лет. «Стройный, М. Фадеев ему всегда нравился» (Григорий Фукс). «Меня поразил их М. вид» (Юрий Нагибин).

Молодящийся = старающийся выглядеть моложе своих лет. «Из последних сил М.» (Анатолий Алексин). «Старый, бритый, М. модник» (Владимир Дудинцев).

Мольба / Молитва

Мольба = горячая, страстная просьба. М. о пощаде. М. о помощи. «[...] Учитель встал и подошёл к двери, как будто не замечая моего взгляда, в котором выражались отчаяние, М. и упрёк» (Л.Н.Толстой). «Она уцелела, по слухам, лишь благодаря слёзной М. академика Филатова, лечившего Сталину глаза» (Михаил Карпов).

Молитва = прошение (часто в форме установленных традицией канонических текстов), адресованное к Богу или святым. Благодарственная М.. Покаянная М.. «Послушание паче поста и Молитвы» (рус. посл.). «М. избавляла от чувства бессилия» (Даниил Гранин).

Мудреть / Мудрить / Мудрствовать

Мудреть = становиться (более) мудрым, набираться глубоко осмысленного житейского опыта. *«О, свобода! В тебе я начал М....» (В.В.Зеньковский). «Они пошли дальше по дороге, и Джамхух им рассказывал поучительные истории, чтобы они Мудрели на ходу, а также делал попутные замечания, разглядывая окружающую природу» (Фазиль Искандер).*

Мудрить = действовать или рассуждать с ненужными ухищрениями, вопреки вполне очевидной простоте решения. *«Истина проста и нечего тут М.» (Кирилл Кобрин). «Уху во всех землях и краях варят со своей выдумкой, а где и с фокусами, хотя и М.-то вроде не над чем и незачем» (Виктор Астафьев).*

+ = (иногда иронично) = пытаться разобраться в чём-либо, кумекать. *«Начал даже М. над проектом паровой машины» (Николай Амосов). «Кто говорил не раз, что нечего М., ломать голову, придумывая новые формы, всё уже создано природой, копируйте и совершенствуйте» (Сергей Жемайтис).*

Мудрствовать = приблизительно то же, что и мудрить = пускаться в ненужные умствования, пустые рассуждения, с претензией на глубокомыслие. *«К чему М.?» (А.А.Бек). «Прошу читателя не М. на почве новейшей эстетики» (Ф.Ф. Зелинский). «Лукавый и те, кто научился от него лукаво М., украли одну нашу полезнейшую заповедь и выставляют её как некую злую приманку благодаря сходству выражений “внегли себе” и “познай себя”» (В.В.Бибихин).*

Мудрый / Мудрёный

Мудрый = (о человеке) обладающий большим умом, способный на основе глубокого осмысления жизненного опыта решать сам, а также помогать решать другим, новые и новые проблемы. *М. человек. М. наставник. Ярослав М.. «Сын М. радуется отцу, а сын глупый – огорчение для матери» (Соломон). «Люди дикие любят независимость, люди Мудрые любят порядок, а нет порядка...» (Ф.М.Достоевский). «Эмоционально – я стабилен. Я М., немногословный. Я велик» (Андрей Рубанов).*

+ = (о действиях, решениях) основанный на глубоком понимании жизни. *М. закон. М. совет. Мудрая политика. «Отец нашёл очень М. ответ: “Это, сестра, воля божья”» (М.И.Саитов). «Ваши Мудрые наставления вселяют веру, надежду и любовь в человеческие сердца» (М.В.Жилкина).*

Мудрёный = трудный для понимания или для выполнения. *М.*

термин. *Мудрёная причёска. «Я с любопытством стал разглядывать М. механизм» (Вадим Бурлак). « – Как успехи у дешифровальщиков? – Там очень М. шифр.» (Юлиан Семёнов). «Бывают дураки лёгкие, а этот М.» (М.Е.Салтыков-Щедрин).*

Мужской / Мужественный

Мужской = принадлежащий мужчинам или состоящий из мужчин. *М. голос. Откровенный М. разговор. Мужская одежда. Мужское население. Мужская раздевалка. «Прошу не мешать! У нас М. разговор!» (Сергей Носов). «Мужская сила – в глазах, в развороте плеч и в верности, как это ни странно» (Виктория Токарева).*

Мужественный = обладающий присутствием духа в опасности, готовый к испытаниям судьбы. *«Он М., сложный и красивый человек» (Василий Аксёнов). «Даже наиболее Мужественные, порядочные вынуждены были отмалчиваться все эти годы» (Даниил Гранин). «Это верные, умные, бдительные и чрезвычайно Мужественные собаки» (Е.Конькова).*

+ = характеристика действий человека, живущего подобным образом. *М. шаг. Мужественное решение. «Это был смелый, М. поступок и в то же время виртуозно спланированный» (Б.Г.Мещеряков). «[...] Оказывается, этот бюрократ мог подниматься над страхами твари дрожащей и совершать Мужественные поступки» (Б.Ф.Егоров).*

Мучительный / Мучительский / Мученический

Мучительный = связанный с труднопереносимыми страданиями. *М. кашель. М. конфликт. «М. творческий процесс» (Феликс Кузнецов). «Может, самый замечательный день жизни предстоял сегодня Кларе – но и самые Мучительные приготовления: как же одеться?» (А.И.Солженицын). «Какая это была Мучительная музыка... от неё было сладко-больно, солоно-горько, печально-радостно...» (Людмила Улицкая).*

Мучительский = свойственный мучителю, связанный с ним. *«А ещё ведь есть и М. залог» (М.Л. Гаспаров). «[...] Первых каким-то Мучительским орудием раздавили: последнего обшили в медвежью кожу и затравили псами!..» (Н.М.Карамзин). «Всякая строгость, преходящая сии пределы, бесполезна и, следовательно, Мучительская» (Екатерина II).*

Мученический = относящийся к тому, кто страдает, к мученику. *М. венец. М. подвиг. М. ореол. «Возводят его в какой-то чуть не М. чин!» (П.Д.Боборыкин). «Для всех них многочасовая очередь к святыне, прикосновение к мощам подвижников веры, принявших Мученическую*

смерть – возможность духовного роста, укрепления в вере» (Владимир Якунин, Сергей Антоненко).

Мысленный / Мыслительный / Мыслящий

Мысленный = представляемый в воображении. *М. разговор. М. эксперимент.* «Традиция учит, что есть и *М. грех*, который, может стать, тяжелее всех других, – но это именно грех мысли, а не какой-то иной» (С.С.Аверинцев). «Позвольте! Я ставлю *М. эксперимент! Отойдите и не мешайте!*» (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий).

Мыслительный = свойственный мышлению, связанный со способностью к проявлению разумной активности. *М. процесс. М. аппарат. М. потенциал. Мыслительные усилия.* «*М. процесс* явно давался ей с трудом» (Данил Корецкий). «Молодой Теэтет хотел разродиться знанием, но вышел мёртвый *М. младенец*» (В.В.Бибихин). «Скажу: я более волевой человек, чем *М. или эмоциональный*» (Андрей Белый).

Мыслящий = способный глубоко и самостоятельно мыслить. *М. человек. М. мозг.* «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник *М.*» (Б.Паскаль). «*Мыслящий пролетариат*» (Д.А.Писарев). «Может ли научно образованный и *М. человек* иметь религиозную веру?» (С.Л.Франк). «Человек развитой, *М., а между тем... чёрт знает что!*» (А.П.Чехов). «Событие мысли, предполагающее, что я как *М. должен исполниться, состояться*» (Б.Д.Эльконин).

Список литературы:

Афористика и карикатура: Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 24. – М.: Эксмо, 2003. – 719 с.

Бенвенист Эмиль. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 453 с.

Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 352 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Государственное Изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.

Душенко К.В. Цитаты из русской литературы. Справочник: 5350 цитат от «Слова о полку...» до Пелевина: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2007. – 704 с.

Елистратов В.С. Словарь московского арго: Материалы 1980 – 1994 гг. – М.: Русские словари, 1994. – 700 с. Полный церковно-славянский словарь. – Москва: Издательский отдел Московского патриархата,

1993. – 1120 с.

Словарь по этике. 6-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 448 с.

Словарь русского языка: в четырёх томах. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.

Современная отечественная афористика: Сб. / Сост. В.Шойхер. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 533 с.

Этика: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 669 с.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ:

Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

Словарь паронимов // <http://ru-paronym.ru/%D0%92>

Словарь паронимов русского языка онлайн // <http://paronymonline.ru/>

Справочная служба русского языка:
<http://www.rusyaz.ru/is/ns/click.html>

Толковый Словарь Русского Языка // <http://www.vedu.ru/expdic/716/>

Толковый словарь русской разговорной речи //

[https://www.litres.ru/raznoe/tolkovyy-slovar-russkoy-razgovornoy-rechi-vypusk-1-a-i-11648767/?gclid=EAIaIQobChMIu-](https://www.litres.ru/raznoe/tolkovyy-slovar-russkoy-razgovornoy-rechi-vypusk-1-a-i-11648767/?gclid=EAIaIQobChMIu-L4pI6W1QIVHF8ZCh0fggazEAAYASAAEgKox_D_BwE)

[L4pI6W1QIVHF8ZCh0fggazEAAYASAAEgKox_D_BwE](https://www.litres.ru/raznoe/tolkovyy-slovar-russkoy-razgovornoy-rechi-vypusk-1-a-i-11648767/?gclid=EAIaIQobChMIu-L4pI6W1QIVHF8ZCh0fggazEAAYASAAEgKox_D_BwE)

Е.С. Игнатова
г. Новосибирск

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО ФРАНЦУЗОВ
(на примере государственной языковой политики)**

Аннотация: статья посвящена одной из отличительных черт французского менталитета – национальному достоинству. В ней предпринимается попытка постижения сущности и особенностей данного явления, рассматриваемого на примере государственной языковой политики. Автор формулирует и обосновывает предположение о том, что национальное достоинство французов опирается на три основания: эгоцентризм, консерватизм и скептицизм.

Ключевые слова: этос, национальное достоинство, национальный менталитет, языковая политика, эгоцентризм, консерватизм, скептицизм.

E.S. Ignatova
Novosibirsk

**NATIONAL DIGNITY OF FRENCH
(by the example of state language politics)**

Annotation: the article is devoted to the French national dignity, one of the most specific French mentality aspects. An attempt is made to comprehend the essence and features of this phenomenon, considered an example of the state language politics. The author formulates and explains the assumption that the national dignity of the French has three bases: egocentrism, conservatism and skepticism.

Keywords: ethos, national dignity, national mentality, language politics, egocentrism, conservatism, skepticism.

Прежде чем говорить об особенностях национального достоинства французов, рассмотрим происхождение французского слова la dignité (достоинство). La dignité произошло от латинского существительного с аналогичным значением dignitas⁶, которое образовалось с помощью суффикса –itas от прилагательного dignus (достойный, заслуживающий, подобающий), чьим родителем является праиндоевропейский глагол *dek-no (брать, принимать)⁷. Весьма вероятно, что латинское dignus образовалось по принципу: «что-то взятое, кто-то принятый по причине подходящих, подобающих качеств», что с течением времени переросло в прилагательное

⁶ Brachet A. Dictionnaire étimologique de la langue française. J.Hetzel (Paris), 1872. P.183.

⁷ Gaffiot F. Dictionnaire latin français, Hachette, 1934. P. 527.

«достойный», позже было образовано соответствующее существительное. Интересно, что в современном французском языке лексема *la dignité* имеет также значения «ранг, сан», подчеркивающее определенное место в обществе, которому необходимо соответствовать, иначе говоря, обладать подобающими качествами, быть достойным этого места.

Нельзя не отметить, что слово *la dignité* относится к женскому роду, что при некоторой работе воображения позволяет представить французское достоинство некой барышней, гордой красавицей, любующейся собой в зеркало, восхищающейся исключительно собственной красотой, образованностью и воспитанием, при этом не замечающей собственные недостатки, но способной превратить мельчайший недостаток своей соперницы в ее абсолютное уродство.

Действительно, даже на уровне бытового наблюдения за представителями французского этноса невооруженным глазом можно отметить, что по сравнению с другими народами, чувство национального достоинства – это одна из отличительных и наиболее характерных черт французского менталитета. Французы уважают и превозносят свою страну, культуру, язык и все остальное, имеющее к ним отношение.

Особого внимания заслуживает отношение французов к своему языку, которое кратко можно выразить фразой французского писателя Антуана Ривароль: «*Tout ce qui n'est pas clair, ce n'est pas français*» (все, что не понятно, то не по-французски), которая, к слову, очень популярна среди носителей французского языка. «Язык для французов – главная материя духа. Именно язык связывает нацию воедино»⁸. Вероятно поэтому французский язык официально возведен в ранг национального достояния страны и государства, языковая политика Французской Республики ориентирована только на французский язык, то есть государство совсем не поддерживает региональные языки национальных меньшинств, проживающих на территории страны, аргументируя это тем, что «Франция – страна, в которой нет меньшинств»⁹. Несмотря на то, что существует декларация, закрепляющая право национальных меньшинств пользоваться родным языком, но тем не менее «конституционные соображения не допускают присоединения Франции к международным конвенциям, признающим меньшинства как таковые и как носителей коллективных прав»¹⁰.

⁸ Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

⁹ Third Periodic Report, 1996 — Para. 394, p. 74

¹⁰ Fourth Periodic Report, 2007 — Para. 367, p. 67

Помимо этого, в республике существуют специальные учреждения, занимающиеся исключительно французским языком. Например, Académie Française – научное учреждение, целью которого является изучение французского языка и литературы, регулирование языковой нормы французского литературного языка. Академия возникла еще в 1625 году как частное общество, а уже в 1635 году была принята под покровительство короля¹¹. Сейчас Академия насчитывает 40 членов, членство которых является пожизненным, за что их в шутку прозвали «les immortels» (бессмертные), а девиз Французской Академии, введенный еще при кардинале Ришелье, так и звучит: «À l'immortalité» (для бессмертия). На наш взгляд, все это указывает на главную интенцию работы Академии – уважительное и бережное отношение к своему прошлому и своим традициям. После смерти одного из академиков выбирают нового, который не просто становится членом Академии, а становится приемником умершего и занимает его место, которое в Академии называют fauteuil (кресло). Во время принятия под своды Академии новый член обязан произнести речь в честь своего почившего предшественника, что как нельзя лучше подчеркивает идею преемственности и сохранения традиций Академии.

В современном мире в условиях высокого уровня развития информационных технологий система межнациональных коммуникаций существенно отличается от того, что было еще в недавнем прошлом: степень воздействия со стороны иноязычной среды многократно усиливается, что, угрожает утратой традиций и национальной самобытности народов. На наш взгляд, желание и готовность того или иного народа защищать свою культуру от зарубежного воздействия зависит в значительной степени от уровня развития чувства их национального достоинства. В этом контексте можно утверждать, что национальное достоинство у французов достаточно развито, поскольку они не ограничиваются только желанием сохранить свою самобытность, но и предпринимают вполне конкретные меры для этого: «Ни один другой народ не вел столь упорной борьбы за сохранность своего языка»¹². Например, одним из основных практических направлений деятельности Французской Академии является противодействие засилью иностранных слов в родном языке. В связи с тем, что в последние десятилетия английский язык стал фактически языком международного общения, французское

¹¹ Академіи // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. — СПб., 1861.

¹² Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

государство серьезно озабочено проблемой его существенной нейтрализации, старается создать препятствия на пути языковой унификации и благоприятные условия для функционирования своих культурно-языковых особенностей. 31 декабря 1975 года был подписан закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого языка, что по существу означает и интервенцию чужой культуры¹³. Во время обсуждения данного законопроекта, один из политиков, сказал: «Язык – мощный определяющий фактор национального самосознания, посредник национального наследия, истинный проводник этого наследия, в котором школа не может являться основным средством передачи этого наследия. Мы не согласны с теми, кто смиряется с вырождением языка, с тем, что грамматика, лексика и стилистика становятся поверхностными, бедными и ненасыщенными, и, что меньше и меньше людей изучают национальную литературу, которая является наследием и национальным сознанием»¹⁴. Французская академия борется за чистоту французского языка с помощью применения комплекса мер, включающих в себя: утверждение нормативных слов (10-15 языковых единиц в год), которые входят в язык и внедряются в жизнь на уровне рекомендаций; доведение своих рекомендации до широких слоев общества с помощью специальных изданий и ежегодных словарей; преподавание французского языка в системе образования по разработанным академией нормам; осуществление некоторого давления на СМИ и рекламу, использующих иностранные слова, с помощью соответствующих законов (например, 40% песен на радио должны быть на французском языке); создание определенных льгот для телевидения при демонстрации французского кино (например, налоговые)¹⁵.

Кроме того, на сегодняшний день во Франции существуют структуры, которые вырабатывают и проводят в жизнь лингвистическо-культурную политику своей страны на международной арене, определяют ее политику, связанную с Международной организацией Франкофонии и с усилением роли французского языка в мире. Они работают в таких областях как развитие научного, культурного и технического сотрудничества, кооперация в области технических средств коммуникации и т. д. Существует разветвлённая по всему миру до 900 представительств

¹³ Gordon D. The French Language and National Identity 1930—1975. vol. 22 of Contributions to the Sociology of Language. Mouton, the Hague, Paris, New-York. p. 453

¹⁴ Harold F. Schiffman. Linguistic culture and language policy. London. 1996. p. 113

¹⁵ Яблонский П. Как во Франции борются за чистоту французского языка. Город 812, 2013. URL: <http://www.online812.ru/2013/05/23/007/>

система различных культурных учреждений, среди которых службы сотрудничества и культурного действия, культурные центры, французские институты «Альянс Франсез», 13 представительств которых расположены в городах России, научные центры и школьные учреждения. Во всех своих программах эти учреждения пропагандируют распространение французского языка, координируют деятельность государственных и частных организаций, способствующих распространению и правильному использованию французского языка в образовании, коммуникации, науке и технике. В 1990 году было создано Агентство по французскому образованию за границей. Эта общественная организация способствует распространению французского языка и культуры за границей и усиливает сотрудничество между французской образовательной системой и образовательными системами других стран¹⁶. Изначально, находясь под патронажем Шарля де Голля, движение Франкофонии занималось только «культурными» вопросами, но позже, на фоне постоянного снижения авторитета Франции на мировой арене, фактически началось настоящее использование Франкофонии для нужд внешней политики страны. Таким образом, пытаясь различными способами сохранить свои национально-культурные и языковые особенности, одновременно с этим французы сами склонны к распространению своей культуры и языка далеко за пределами своего государства. Еще задолго до появления Франкофонии Н.А. Бердяев отметил, что для француза его тип цивилизации универсален и единственен, весь же остальной мир варварский¹⁷: «...французы, замкнутые в своей культуре, сказали бы, что они находятся в стадии высокой культуры, русские же еще не вышли из стадии «природы»¹⁸. Для примера можно привести их колониальную политику: руководствуясь идеями равенства и интернационализма они пытались внедрить французский язык и культуру на завоеванных территориях путем обучения местной элиты, то есть проводили политику европеизации колоний через призму их представлений о мире¹⁹. Это свидетельствует о попытке воздействия на умы других народов посредством интеграции в них французских национальных ценностей и взглядов. Интересно на этот счет высказался американский лингвист Дэвид Гордон: «Типичной является забота французов о чистоте своего языка, о том, чтобы он не был искажён или испорчен. Столь же

¹⁶ И. В. Чернов. Международная организация Франкофонии: лингвистическое измерение языковой политики. СПб.:2006, стр. 84

¹⁷ Бердяев А.Н. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. с. 165.

¹⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: Международные отношения, 1990. с. 237.

¹⁹ Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

обычно для них и широко распространённое убеждение о том, что экспансия французского имеет просветительскую миссию и в то же время способствует укреплению политических позиций Франции на международной арене. Эта просветительская миссия связана с подсознательной верой французов в то, что Франция является носителем универсальной идеи, идеи о том, что природа человека везде и во все времена неизменна, а законы этой природы наиболее полно отражены и соблюдены во Франции»²⁰. Действительно, языковая политика Французской Республики, как внешняя, так и внутренняя, направлена на широкое распространение французского языка и культуры, что лишний раз подчеркивает обостренное чувство национального достоинства, которым обладают французы. Искренняя вера в свою национальную исключительность вызывает у них не только гордость за свою страну, но и стремление распространить ее ценности и идеалы в других странах.

В попытке понять причины столь высокой самооценки французов мы выдвигаем предположение, что национальное достоинство французов опирается на три основания: эгоцентризм, консерватизм и скептицизм, что далее мы и попытаемся доказать.

«Я живу со дня на день и, говоря по совести, живу только для самого себя»²¹. Эта цитата знаменитого французского писателя Мишеля де Монтеня очень емко и точно характеризует черту не столько индивидуализма, сколько эгоцентризма, присущую не только ему лично, но и его соотечественникам. М. Монтень возводит предназначение человека к выполнению долга перед самим собой. Сообразно этой мысли он считает, что человеку свойственно стремиться к собственному счастью: «либо наш разум смеется над нами, либо, если это не так, он должен стремиться только к одной единственной цели, а именно обеспечить нам удовлетворение наших желаний, и вся его деятельность должна быть направлена лишь на то, чтобы доставить нам возможность хорошо жить и в свое удовольствие»²². Несмотря на то, что М. Монтень говорит об обществе XVI века, эта особенность французского менталитета сохраняется и по сей день. Один из наиболее известных французских разведчиков, выходец из Российской Империи, Константин Мельник-Боткин так характеризует в своем интервью Францию, в которой он прожил в течение всей жизни: «Вы знаете, Франция очень странная страна. Это

²⁰ Gordon D. The French Language and National Identity 1930—1975. vol. 22 of Contributions to the Sociology of Language. Mouton, the Hague, Paris, New-York. p. 453

²¹ М. Монтень Опыты. Т.1 – Издательство Академии наук СССР.: 1954, 567 с.

²² там же с.103

гордая страна. Она имеет очень высокое мнение о себе»²³. По его мнению, французы не интересуются другими людьми, странами и их проблемами, они сконцентрированы на самих себе: «Французу интересен только он сам»²⁴. Кроме того, К. Мельник-Боткин считает, что эта особенность менталитета во многом является причиной постоянного недовольства французских граждан политической ситуацией в стране: «Француз по натуре своей индивидуалист и интересуется только собой. Он будет больше просить у государства: больше пенсий, выше зарплату»²⁵. Действительно, для Франции характерны частые забастовки, митинги и шествия, направленные на требование у государства различных социальных благ. Французу по большей части свойственно именно *требовать*, а не просить что-то у правительства, иначе говоря, национальное достоинство француза позволяет ему не стесняться в критике правительства и требовать от него причитающиеся, по его мнению, блага. Здесь национальное достоинство граждан сопряжено не с принадлежностью к государству, а определяется национальной идентификацией как таковой: поскольку он – *француз*, то и считает себя в полном праве претендовать на воздаяния от правительства, которые причитаются ему по праву рождения. Кроме того, в отношениях с властью эгоцентризм проявляется и к своим умственным способностям: если смысл общегосударственных правил и норм не очевиден для конкретного лица, он норовит их игнорировать или обойти²⁶, так как «Франция – страна министров. Нет ни одного человека, который бы не считал, что может занять самый высокий пост»²⁷, то есть принимать более рациональные на его взгляд решения, чем решения существующей власти. Многие наши соотечественники, общаясь с представителями французской нации, отмечают некий элемент надменности по отношению к людям, относящимся к иным странам и народам. К примеру, французам не свойственно стремление к изучению иностранных языков, ибо они считают себя носителями уникальной языковой культуры и склоняются к мнению, что каждый образованный человек обязан знать французский язык. К тому же даже среди образованных молодых французов многие не знакомы с чужими культурами, в частности, со знаменитыми русскими писателями и даже мировыми событиями, происходящими на территории других стран. Так, например, Олимпийские игры в Сочи в

²³ <http://specnazspn.livejournal.com/542523.html>

²⁴ там же

²⁵ там же

²⁶ Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

²⁷ там же

2014 году прошли мимо внимания большинства французов. Вероятно, все это может подтверждать предположение, что французам в той или иной степени свойственен эгоцентризм, т.е. концентрация своего внимания только на собственной личности, своей стране и культуре, Н.А. Бердяев так говорил об этой черте их менталитета: «У французов меня поражала их замкнутость, закупоренность в своем типе культуры, отсутствие интереса к чужим культурам и способности их понять. Уже по ту сторону Рейна для них начинается варварский мир, который, по их мнению, не является наследником греко-римской цивилизации. Французы верят в универсальность своей культуры, они совсем не признают множественности культурных типов»²⁸. С одной стороны, это может свидетельствовать о некоей культурной ограниченности, что выражается в незнании и, как следствие, неприятии чужих идей. Интересно, что еще М. Монтень в своих «Опытах» подмечал это национальный недостаток: «Мы погружены в себя, замкнулись в себе; наш кругозор крайне мал, мы не видим дальше своего носа»²⁹. Но, с другой стороны, французский индивидуализм и эгоцентризм способствовали более глубокому погружению в свою уникальную культуру, познанию своих национальных особенностей и изучению родного языка, что и помогло сформировать у представителей данного народа устойчивое чувство национального достоинства.

Согласно нашему предположению, следующим столпом национального достоинства французов является консерватизм. Эта особенность французского менталитета ярко проявляется в государственной языковой политике, направленной на сохранение родного языка и как следствие самобытной культуры, об это мы уже подробно упоминали выше. Подтверждение консервативности французов мы находим опять же у М. Монтеня, лейтмотивом «Опытов» которого проходит идея сохранения старых законов, обычаев и порядков: «Я разочаровался во всяческих новшествах, в каком бы облики они нам не являлись, и имею все основания для этого, ибо видел, сколь губительные последствия они вызывают»³⁰. В жизни Мишель де Монтень проявлял всяческое неприятие всего нового, в частности он отрицательно относился к протестантизму, получившему широкое распространение в его эпоху, даже несмотря на то, что в «Опытах» он несколько критикует католическую церковь и те насильственные меры, которые применялись правительством по

²⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: Международные отношения, 1990. с. 238.

²⁹ М. Монтень Опыты. Т.1 – Издательство Академии наук СССР.: 1954, с.203.

³⁰ там же с. 153

отношению к протестантам. По большей части он придерживается консервативных взглядов в политике, так как видел во всем новом угрозу для общества в целом: «Ничто не ввергает государство в такую бестолочь, как вводимые новшества; всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании. Браться за переплавку такой громады и менять фундамент такого огромного здания – значит уподобляться тем, кто, чтобы подчистить, начисто стирает написанное, кто хочет устранить отдельные недостатки, перевернув все сущее вверх тормашками, кто исцеляет болезни посредством смерти»³¹.

Безусловно, такое отношение к новшествам в политике чрезмерно, ибо развитие общества так или иначе требует введения новых законов, упразднение старых порядков и замену их новыми, которые будут соответствовать современному положению дел. Но М. Монтень француз, а французы склонны бурно выражать свое недовольство, еще Наполеон Бонапарт сказал: «Это во французском характере – преувеличивать и все искажать, если чем-то недоволен». Не потому ли парижане на протяжении десятилетий не принимали Эйфелеву башню, в настоящее время являющуюся самым узнаваемым городским символом? Начиная с самого начала строительства, творческая интеллигенция Парижа и Франции выражала негодование в отношении башни и посылала в мэрию Парижа требования прекратить ее строительство. Писатели и художники опасались, что металлическая конструкция будет подавлять архитектуру города, нарушать неповторимый стиль столицы, складывавшийся на протяжении веков. Против строительства Эйфелевой башни выступили известные деятели французской культуры – Ги де Мопассан, А. Дюма-сын, Ш. Гуно, Ш. Леконт де Лилль, П. Верлен, Ш. Гарнье и другие. Они даже выпустили меморандум, обращенный к правительству: «Мы, писатели, скульпторы, художники, архитекторы, страстные любители до сих пор еще не тронутой красоты Парижа, протестуем всеми силами нашей возмущенной души, во имя оскорбленного французского вкуса, во имя находящихся под угрозой французского искусства и истории. Неужели Париж...подчинится побеждаемой корыстными мотивами фантазии конструктора машин и тем самым навсегда безнадежно обесчестит себя? Эта дымовая труба своей варварской массой разрушит влияние всех мемориальных сооружений Парижа. Тень от этой массы железа покроеет, словно чернильное пятно, небо над городом, который является высоким памятником многих столетий»³². Существуют легенды, которые гласят

³¹ М. Монтень Опыты. Т.3 – Издательство Академии наук СССР.: 1960, с.222.

³² Шпаков В.Н. История всемирных выставок. – М.: АСТ: Зебра Е, 2008 . – 383 с.

что Ги де Мопассан регулярно обедал в ресторане на первом уровне башни потому что «Это единственное место во всём огромном Париже, откуда её не видно», и что Поль Верлен пытался передвигаться по Парижу таким образом, чтобы не было видно Эйфелевой башни. Такое бурное сопротивление творческой интеллигенции возведению башни может означать необычайно трепетное отношение парижан к своему городу, что провоцирует нежелание менять в нем что-то, а уж тем более возводить «варварскую башню из железа», которая разрушит вид *старой* и прекрасной Франции. Этот, казалось бы, незначительный пример ярко демонстрирует консерватизм французского народа, считающего, что все самое прекрасное у них уже есть и они не нуждаются ни в каких новшествах. Вероятно, причина тому лежит также в сомнениях, которым часто подвержен французский человек и о которых мы поговорим ниже.

Консервативный взгляд на мир проявляется и в повседневной жизни, русский философ Н.А. Бердяев даже писал, что французы гораздо семейственнее русских и других европейцев и с большим трудом порывают с семейными традициями³³: «во Франции совместная семейная трапеза, поход в ресторан тремя поколениями – основные радости жизни»³⁴. В целом им свойственно соблюдение семейных традиций, уважение и продолжение семейного дела, возможно начатого еще в далеком прошлом кем-то из предков. Также французам свойственно постоянство во вкусах, предпочтениях и привычках, «все должно делаться “*comme il faut*” – «как следует», касается ли это вкуса фаршированной утки, откупориваемого вина, адреса на конверте, прически, одежды»³⁵. Все это обеспечивает им здоровую преемственность поколений и верность национальным традициям. Что возможно и лишает их некоторых преимуществ, которые они могли бы получить, принимая новшества чуть более благосклонно. Но в то же время, придерживаясь своих культурных традиций, каждое следующее поколение воспитывается в атмосфере уважения к своей семье, стране, народу, языку и национальной самобытности как таковой. Это во многом определяет отношение к себе и своей культуре и способствует зарождению и развитию чувства национального достоинства с самого рождения.

Согласно нашей концепции, третье основание национального достоинства французов – это скептицизм. Начнем с того с факта, что

³³ Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. с. 78.

³⁴ Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

³⁵ там же

три влиятельных французских философа – М. Монтень, Р. Декарт и П. Бейль – внесли большой вклад в развитие скептицизма как философского учения: они подвергали сомнению религиозные догмы и возможность достоверного знания: «для разыскания истины необходимо раз в жизни, насколько это возможно, поставить все под сомнение»³⁶. Французские философы-скептики тяготели к чистому разуму, логичности мышления, приверженности к определенному методу познания, пытаясь таким образом выявить несомненные основания всякого знания. Таким образом, по мнению скептика, для того чтобы познать истину необходимо подвергнуть ее сомнению: «следует, однако, отметить, что я не предлагаю пользоваться методом сомнения вообще, а лишь тогда, когда мы задаемся целью созерцания истины»³⁷. То есть скептицизм является методом познания истины, но на французской земле скептицизм вышел за рамки философского учения и присущ рядовым французам как умонастроение. Современный французский писатель Пьер Данинос в своей повести «Записки майора Томпсона» так описывает эту черту французского менталитета: «француз недоверчиво появляется на свет, растет недоверчивым, женится и делает карьеру, так и не избавившись от своего недоверия, и умирает еще более недоверчивым»³⁸. В этой остроте (что, также присуще французскому менталитету) ярко отражается отношения француза к миру: он ничего не воспринимает как должное, не верит на слово, старается все пропустить через призму сомнения, то есть через собственный острый ум. Они считают главной чертой своего национального характера острый ум и рационализм, тяготение к ясной, точной, логичной, изящно сформулированной мысли.

«Что же вызывает недоверие француза? Буквально все»³⁹. Скептицизм находит отражение в государственной языковой политике, о которой мы говорили выше – французы не приемлют иностранные слова, Академия подвергает их сомнению, пропускает через французскую языковую традицию и создает свои собственные языковые единицы, которые довольно легко входят в обиход у народа, потому что знают, что эти единицы уже прошли через «французское мышление». «Но поступиться суверенностью индивидуального интеллекта они все же не готовы»⁴⁰, в этом одна из причин постоянного недовольства жителей Франции политической ситуацией

³⁶ Декарт Р. Избранные произведения. – Академия наук СССР: Институт философии. 1950. с.426.

³⁷ там же

³⁸ Данинос П. Записки майора Томпсона. – М.: Прогресс. 1970. с. 31-32.

³⁹ там же с.32.

⁴⁰ Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

в стране, бывший президент Пятой республики Жорж Помпиду как то сказал, что «естественная реакция француза по отношению к государству и его представителям – это недоверие, враждебность». Но к сожалению, тот факт, что французы критикуют действия своего правительства и обладают ясным умом, не означает что в действительности любой из них может предложить другие более приемлемые действия. Проблема в том, что процесс познания для француза важнее действия. Рассуждая о чем-либо, он стремится рассмотреть предмет полностью, увидеть его в беспристрастном свете разума, но исходит при этом не из практики, что было бы полезнее, если мы говорим о политике, а из теории, из сухого определения предмета. Вероятно, французская культура проникнута интеллектуальным началом, «француз у себя дома, когда мыслит», но его холодное и объективное знание стремится к поиску общих законов и правильных пропорций, а не конкретных решений и действий⁴¹. С одной стороны, эта особенность менталитета обеспечивает активную гражданскую позицию населения, с другой стороны, стремится уничтожить все попытки государства призвать их к закону, на этот счет Рене Коти, президент Четвертой республики высказался следующим образом – «Француз рожден фрондером. Управлять им всегда было нелегко».

Скептицизм, а точнее недоверие ко всему и всем вокруг проявляется и в повседневной жизни. Яркий тому пример дает Пьер Данинос в своей повести, описывая привычку французов уточнять время, имея свои собственные часы; время отправления у контролера поезда несмотря на расписание и свежесть блюд у официантов: «В расписании ничего не изменилось? Оно точное? — И, повернувшись ко мне, бросил: — Не очень-то я доверяю этим расписаниям»⁴². Конечно, повесть П. Даниноса – это художественное произведение и в нем много юмора и сарказма, свойственного французам, но что как не искусство является отражением действительности? П. Данинос дает нам некоторое представление о французской недоверчивости, пусть и в утрированной форме. Ранее в нашей работе мы уже отмечали эту черту менталитета в ежедневном проявлении. Не скептицизм ли побуждает француза предпочитать новшествам давно сложившиеся традиции? Будь то выбор блюда, марки одежды, аптеки или профессии.

Возвращаясь к вопросу о национальном достоинстве, следует

⁴¹ Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

⁴² Данинос П. Записки майора Томпсона. – М.: Прогресс. 1970. с. 34.

отметить, что скептицизм оказывает на него некоторое влияние. Вероятно, что скептический склад ума несколько отдаляет Францию от остального мира, по причине настороженного отношения к чужой культуре. Но, в то же время, привычка пропускать все через собственный на их взгляд острый разум обеспечивает им здоровую критику происходящего в мире с точки зрения их менталитета. Это скептическое отношение к «чужим» толкает их к «своим», то есть побуждает трепетнее относиться к своей семье, стране, национальным традициям и культуре в целом.

Мы рассмотрели явление национального достоинства у французов на примере языковой политики и попытались доказать наше предположение, что данная черта французского менталитета имеет три основания – эгоцентризм, консерватизм и скептицизм. Стоит отметить, что эти черты свойственны Франции на нескольких уровнях, на государственном, гражданском и повседневном. Но, безусловно, это не дает нам право утверждать, что всем без исключения представителям французской нации свойственны эти черты. Мы не должны забывать об индивидуальности каждого отдельного человека, живущего на планете, то есть чистые национальные характеры редки среди представителей любой нации. Но мы и не рассматриваем *характер* каждого отдельного француза, мы фокусируемся на национальном *менталитете*, то есть «определенном способе восприятия, оценки, переживания и осмысления действительности, типичной для конкретной исторической общности или социальной группы»⁴³. То есть черты не конкретного человека, а человеческой общности, выделенной по национальному признаку⁴⁴. Нельзя забывать, что «внутреннее «экзистенциальное ядро» национального характера очень устойчиво и сопротивляется любым попыткам изменить его силой».⁴⁵ Кроме того, некоторые черты характера могут проявляться сильнее других или вовсе не проявляться в отдельных случаях. К примеру, Великая французская революция ярко проявила такие черты как скептицизм по отношению к правящему королю и эгоцентризм, при этом совершенно забыв о принципах консерватизма. Этот парадокс не остался без внимания российского философа Э.В. Соколова: «Идеи во Франции кристаллизуются в жестких формах. В какой-то момент общество начинает чувствовать себя скованным принципами. Отсюда

⁴³ Сабиров В.Ш. Этнос и менталитет: русская версия // Школа мысли. Альманах гуманитарного знания. 2016. №3(15). с.7. URL: <http://shkola-mysli.narod.ru/no15.pdf>

⁴⁴ там же

⁴⁵ Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. №4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MADRE.HTM>

неравномерность исторического процесса, тенденция к революционному, а не эволюционному типу развития»⁴⁶. Все это говорит о невозможности придания абсолютного характера ни одной черте национального менталитета. Но тем не менее, возможно вывести некоторые закономерности национального менталитета того или иного народа, что мы и попытались сделать в данной работе.

⁴⁶ там же

Ю.В. Панова
г. Новосибирск

ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ЭТОСА

Аннотация: В данной статье рассматривается основа менталитета и ключевые ценности этоса американского общества, а также соотношение этих двух понятий. В качестве главной ценности американского общества выступает свобода.

Ключевые слова: менталитет, этос, свобода

Yu.V. Panova

Novosibirsk

THE CORE VALUES OF THE AMERICAN ETHOS

Abstract: The article covers the basis of mentality and key values of ethos of American society and the correlation of these two definitions as well. Freedom appears as the main value of American society.

Keywords: mentality, ethos, freedom

Несмотря на то, что понятие «этоса» возникло еще в эпоху античности, означая привычное место совместного проживания, оно до сих пор не имеет устойчивого семантического статуса и трактуется в широком диапазоне разными учеными и философами.

Обозначим некоторые подходы. Аристотель трактовал этос как способ изображения характера человека через стиль его речи и через целенаправленность как основной признак человеческой деятельности.

Г. Гачев в своем философском произведении «Ментальности народов мира» повествует о лице каждого народа, определяя его природой, которая, в свою очередь, представляет собой «прилаженность человека к тому варианту природы, который ему дан» [4; 28]. Он определяет национальное как итог исторического развития народа [4;31].

По определению М. Оссовской, этос – это стиль жизни какой-либо общественной группы, общая ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена в явном виде, либо может быть выведена из поведения людей [21; 35].

Согласно концепции венгерской исследовательницы Евы Анчел, этос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные

начала, которые не проявляются в повседневной жизни и указывают на потребность человека в надэмпирическом нравственном порядке. В своей работе «Этос и история» Е. Анчел пишет: «Человек, который в своих повседневных поступках руководствовался этосом, просто не вписывался бы в мир нормальных людей» [1, 36].

В.Т. Ефимов, исследуя природу и структуру нравов, предлагает целую научную область, исследующую нравы, которую он назвал «этосология». Ефимов пишет: «Возникает потребность в определении научной дисциплины, объектом и предметом которой стало бы исследование нравов... в таком названии, как этосология... изначальный этимологический смысл понятия «нравы» был бы адекватно закреплён, ибо в древнегреческом термине «этос» заключена основная черта нравов как свойства индивидуальной и общественной деятельности, в которой обнаруживается устойчивая совокупность признаков субъекта деятельности» [3, 27].

Профессор В.Ш. Сабилов в своей статье «Этос и менталитет: русская версия» разграничивает понятия ментальности и этоса. «Под менталитетом мы понимаем определенный способ восприятия, оценки, переживания и осмысления действительности, типичный для конкретной исторической общности или социальной группы», - пишет он, внося при этом некоторые пояснительные комментарии, подчеркивая, что менталитет свойственен некоторой человеческой общности и относится к формальной стороне сознания и поведения людей. Этос же, по его мнению, характеризует мотивированное поведение людей, представляя собой содержательную сторону сознания и поведения людей, связанную с определенной системой ценностей и смыслов. Если менталитет действует на бессознательном уровне и конгениален понятию коллективного бессознательного К.-Г. Юнга, то этос, в конечном счете, воплощается в убеждения людей.

Именно этой концепцией мы и будем руководствоваться при изучении этоса американского общества, ибо она позволяет более точно и полно его охарактеризовать.

В своей статье В.Ш. Сабилов обосновывает свою концепцию на примере русского менталитета и этоса. Русский менталитет, по его мнению, основан на вере и стремлении к абсолютной ценности, каковыми могут быть Бог, коммунизм, рынок. Религиозность менталитета не означает религиозность сознания. Атеизм и богоборчество, проявившееся в советское время, имели в основе как раз религиозный менталитет.

Современный американский историк Т. Бейлин так пишет о своем народе: «Убеждение в том, что мы являемся избранным богом

народом и обладаем божественный мандатом распространять наши благородные демократические институты по всему остальному, погруженному во мрак миру, поощряло нас нести на себе бремя белого человека. Мы, американцы, продолжаем верить, что являемся могущественной нацией не потому, что прежде всего, что нас наделили чудесными природными ресурсами, а потому что, в наших генах было нечто врожденное, которое дало нам возможность стать великими» [22]. Однако, по нашему мнению, это высказывание характеризует не менталитет американцев, а их этос, ибо заключается в том, что они признают себя богоизбранной нацией. Хотелось бы особо выделить словосочетание «собственная убежденность», поскольку сами американцы в лице ученых, философов и политиков доказывают эту «богоизбранность» и «исключительность». Американцы уверовали в свою исключительность по многим причинам.

Так Карл Шурц говорит о предопределенности американской судьбы в своей статье с идентичным названием: «В нашем нынешнем положении мы одни располагаем бесценным преимуществом по сравнению с другими великими государствами мира. Мы являемся единственной страной, которой ни с какой стороны не угрожают могущественные соседи; единственной страной, которая может позволить себе не иметь внушительные наземные или морские военные силы для защиты своих владений; единственной страной, располагающей свободой рук. Это является благом, за которое американский народ должен быть всегда благодарен судьбе» [15].

Подтверждением того, что географическое положение США и благодатная почва служат слова американиста А. Галстяна: «Главной чертой исключительности раннего периода была вера поселенцев в то, что Америка – это не просто земля, а судьба» [11].

Однако едва ли отмеченные выше факторы сыграли решающую роль в формировании американского менталитета и этоса. Гораздо большее значение здесь имел религиозный фактор. В формировании идеи американской исключительности сыграл огромную роль протестантизм, который исповедовала и до сих пор исповедует большая часть американцев. Идея личного успеха, глубоко укоренившаяся в сознании американцев, имеет под собой как раз протестантское начало, ибо через успех человек публично демонстрирует свою богоизбранность и предопределенность к спасению. Колоссальные успехи США в конце XIX-XX вв. в сфере экономики, науки и техники невозможно представить без религиозной мотивации поведения ее граждан.

Будучи религиозной нацией и уверовав в свою

исключительность, американцы возомнили себя мессианским народом. Полагая себя «богоизбранным» народом, американцы считают, что их ценности и уклад жизни являются наиболее верными и правильными, которые они должны донести до других народов. Американцы в качестве таковых понимают демократию и свободу, которые они стремятся интегрировать в другие общества, страны и государства, не задумываясь о том, что они могут быть губительными и разрушительными для других народов при грубом насильственном их внедрении.

Итак, религиозность составляет важную черту сознания, а значит и этоса американцев. Тогда, спрашивается, на чем основан менталитет американцев?

С нашей точки зрения, менталитет американцев связан с их прагматизмом, который отнюдь не сводится к практичности или утилитаризму.

Сущность прагматизма наиболее емко отражена в учениях философа У. Джеймса, который считал прагматизм стремлением к истине. «Прагматизм не объясняет нам, что есть истина, он объясняет только каким способом к ней приходят» [18; 397]. «Единственным критерием истины для прагматизма является то, что лучше всего подходит к каждой части жизни и соединено со всей совокупностью нашего опыта», - говорит У. Джеймс [18;239]. Существуют разные критерии восприятия истины и каждый человек, а также народ может воспринимать ее в своей интерпретации. Американцы воспринимают истину совершенно в ином ракурсе. Истинным для них является то, во что ни верят.

Возьмем для примера стремление каждого американца увеличить свое благосостояние или желание добиться карьерного роста. Это характеризует этос американцев, а в сознании, к примеру, русского человека, американец предстает неким бездуховным и алчным человеком. Однако, американец мыслит и поступает совершенно по-иному. Он искренне верит в том, что если будет стремиться к материальному благосостоянию, то, таким образом, каждый американец внесет свой вклад в развитие и благополучие своей страны. Подтверждение этому мы опять находим у У. Джеймса, который предлагал «рассматривать мир как нечто, полное возможностей, где индивидуальное усилие может создать нечто неповторимое в жизни и истории» [18; 407]. Именно поэтому продвижение по карьерной лестнице и увеличение личного капитала не вызывает ненависти со стороны своих соотечественников, по крайней мере в такой степени, в какой мы это можем наблюдать у

других народов, в частности, у славянских и романских. К примеру, среди русских встречается немало таких людей, которые считают добившихся успеха низкими и «аморальными», поскольку они смогли нажить такое благосостояние, лишь ущемляя других людей, совершенно не связывая успех каждого отдельного индивидуума с успешным развитием всей страны в целом.

Обратной стороной американского прагматизма можно считать доносительство - типичное для поведения американцев, именуемое в народе «стукачеством». Американцы запросто доносят на своих коллег, товарищей, не видя в этом ничего зазорного. С их точки зрения, если ты докладываешь о каких-либо нелицеприятных вещах, которые высказывает или совершает твой коллега, ты всего способствуешь улучшению благосостояния компании, ведь начальство будет в курсе событий и примет меры для урегулирования возникающих вопросов и конфликтов. На данном примере, очень наглядно видно, насколько отличается менталитет и поступки американцев, от менталитета русских, которые всегда считают донос неизменно низким и подлым поступком.

Таким образом, приступая к изучению основных ценностей американского этоса, необходимо всегда иметь в виду, на какой основе зиждется американский менталитет.

Пожалуй, ключевым аспектом американского этоса является свобода. Свобода занимает далеко не последнее место в этосах многих народов. Так, русский человек воспринимает свободу как волю, не имеющую ограничений ни в чем. В исламской же традиции вообще не существует понятия свободы так, как мы его воспринимаем, т.к. человек рождается и умирает не по своей воле, имеет физиологические потребности, не зависящие от его желаний, а целиком и полностью зависимые от воли Аллаха. Что касается западного мира, то его представители считают себя свободными людьми лишь до определенной меры. Для них свобода, это нечто, имеющее предел.

Прежде всего, этот предел имеет под собой финансовую подоплеку. В американском сознании человек обладает ровно такой свободой, насколько ему позволяет его капитал. *Деньги* становятся ценностью свободы. Чем большими деньгами обладает человек, тем больше он может себе позволить, тем стабильнее его положение в обществе.

Кроме того, в Америке, понятие «свободного» человека очень часто совпадает с понятием «успешного» человека. Успех также приобретает колоссальный смысл в рамках понятия «свободы». С

детства ребенку внушается, что он должен хорошо учиться, продвигаться вверх по карьерной лестнице и увеличивать свой капитал. В противном случае он не будет считаться в обществе успешным и свободным человеком, поскольку во многом окажется ущемленным, не сможет позволить многое для себя и своей семьи. Формально, он, безусловно, будет иметь такие же права, как и другие американцы, однако он будет оставаться зависимым во многих финансовых аспектах, и его нельзя уже будет назвать «свободным» человеком, поскольку мера сочетания зависимости и независимости, какой, по нашему мнению, является свобода, будет нарушена.

Успех, равно как и деньги, является важной составляющей этоса американского общества. По сути, эти два фактора тесно взаимосвязаны между собой, поскольку, успех в Америке определяется деньгами. Чем большими материальными благами обладает человек, тем больше он считается «успешнее».

Быть успешным в Америке означает не только иметь хорошо оплачиваемую работу, но и обладать собственностью, что считается высшим материальным благом. Многие американцы годами стремятся к тому, чтобы приобрести собственность. К примеру, покупка собственного дома считается высшим материальным благом и ценностью. М. Лернер так говорит о наличии собственности в Америке: «Человек имел право на то, что создавалось им в поте лица, его собственность связана с его мастерством и трудом, а, следовательно, с его личностью, его нельзя лишить собственности, также, как и нельзя его лишить свободы и индивидуальности» [17; 370]. Таким образом, владея собственностью, человек чувствует себя свободным. Более того, это в какой-то мере является для него высшей ценностью свободы. Так, во время мирового кризиса 2008 года, когда многие американцы оказались не в состоянии выплачивать ипотечные кредиты за свои дома, прокатилась огромная волна самоубийств среди населения. Люди потеряли свою собственность, свои деньги, а значит, они потеряли свободу, а с ней и смысл жизни.

Свобода, как было указано нами ранее, имеет предел не только финансовый, то и в рамках закона. Американец чувствует себя свободным настолько, насколько позволяет ему закон, довлеющий над ним.

Рассмотрим один из примеров в системе правосудия США. Любой человек в этой стране имеет право подать в суд на любого другого человека, компанию, любую организацию за клевету, оскорбление и практически за любой поступок, который, нанес урон человеческому достоинству, если человек понес материальные или

моральные убытки.

В истории правосудия США есть немало, «вопиющих» случаев, когда стремление добиться наказания своих обидчиков становилось критическим и выходило за рамки нормального восприятия. Известный случай с блоггером Кристалл Фокс, которую суд обязал выплачивать 2,5 миллиона долларов за нелестные высказывания в адрес компании в интернете [24], показывает, что «свобода слова» в США является довольно относительным понятием. Формально, любой человек может высказать свое мнение, однако, если оно не звучит как оскорбление или клевета, или не воспринимается таким со стороны истца. Материальное наказание, которое понесла Кристалл Фокс, является крайне гнетущим для любого американца, поскольку лишает его благосостояния, а значит и лишает его «свободы», поскольку малоимущий человек априори не может считаться свободным в Америке.

Будучи изначально созданной мигрантами, Америка продолжает оставаться «страной мигрантов». *Миграция* представляет собой важный компонент американского этоса. Она включает в себя все виды миграций.

Как известно, Америка зарождалась именно на идее надежды и веры, известной под названием «американская мечта». Люди, ехавшие покорять еще тогда неизведанный американский континент, надеялись и верили в то, что у них будет гораздо более лучшая жизнь, чем была у них прежде в Европе. Известный американский писатель М. Лернер говорит о «метафизике страсти», которая выражалась в желании пересечь океан, а также о «метафизике мечты». «Америка построила многое на надежде... Тема мечтаний – великий социальный миф Америки, если понимать эти слова, как некую идею, предопределяющую людские дела и мысли...Американская цивилизация – не обманутые надежды, а живучесть самих обещаний» [17;36]. Так, люди, прибывавшие на континент с целью улучшения своей жизни, создали великую державу на этой идее, и процесс миграции имманентен американскому этосу. Надежда на лучшее постоянно толкает американцев на то, что они мигрируют, не только в другие страны, но и внутри своей: «Цель внутренней миграции – боязнь «застрясть», «погрузиться намертво» в стоячее болото, чувство, что ты в капкане» [17; 126]. Данный процесс происходит вовсе не потому что, они чем-то внутренне обеспокоены, а просто по причине поиска новых возможностей и опять-таки улучшения своего благосостояния, а, значит опять с целью того, чтобы почувствовать себя свободными людьми.

Нами были рассмотрены ценности этоса американского общества, хотя, безусловно, мы рассмотрели лишь самые основные из них. Безусловно, по мере развития общества, происходит трансформация некоторых ценностей и смыслов. Тем не менее, основные ценности остаются неизменными. Для американского общества это, в первую очередь, свобода. Нами также были рассмотрены основные ценности американской свободы, при каких обстоятельствах человек чувствует себя свободным человеком и как он воспринимает свободу.

Список литературы:

1. Анчел, Е. Этос и история –М.: Мысль, 1988. – 128 с.
2. Дробницкий О.Г. Понятие морали. –М.: Наука, 1974. –С. 15
3. Ефимов, В.Т. Этосология как учение о нравах и нравственности. Вопросы методологии. Спецкурс. –М., 1992.
4. Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира. – М: Алгоритм, Эксмо, 2008 – 544с.
5. Ницше Ф. К генеалогии морали / Ницше Ф. Соч., т. 2. –М.: Мысль, 1990. –С. 411
6. Новая философская энциклопедия. –М.: Мысль, 2000. –Т. 1—4.
7. Радлов Э.Л. Философский словарь логики, психологии, этики эстетики и истории философии. –М.: URSS, 2010.
8. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Философия науки. Учебное пособие. –Новосибирск: СибГУТИ. 2016.
9. Салтыкова О.В. Национальный этос и ценности трудовой деятельности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. –Тверь, 2005.
10. Уткин А.И., Кузнецова Т.Ф. История американской культуры. –М.: Человек, 2010.
11. Галстян, А. Американская исключительность: Мессианство и реальная политика. – International Affairs. Международная жизнь. Журнал для думающих людей. <http://interaffairs.ru/news/show/13003>. Дата обращения 10.08.2017
12. Философия. Энциклопедический словарь. / Под ред. Ивина А.А. –М.: Гардарики, 2004.
13. Философский словарь / Под ред. Фролова И.Т. –М.: Республика, 2001.
14. Ширшова И. Основные понятия концепции Пьера Бурдьё //

Альманах «Восток». №11, 2004

15. Шурц К. Предопределенная судьба // В кн.: Иванян Э.А. История США: Хрестоматия. Учебное пособие для вузов. –М.: Дрофа, 2005. С. 173-177.

16. Chesterton, Gilbert. What I Saw in America. The Collected Works of G. K. Chesterton, Vol. 21. Ignatius Press, 1997, p. 52.

17. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. В двух томах.

Перевод с английского. / М. Лернер. – Москва: Радуга, 1992 – 670с.

18. Джеймс, У. Воля к вере / Сост. Л.В. Блинников, А.П. Поляков. –М.: Республика, 1997.

19. Думнова Э.М. Менталитет и ментальность в социокультурном пространстве российской молодежи: монография/Новосиб.гос.архит.-худ.акад. – Новосибирск, 2013. – 292 с.

20. Сабиров В.Ш. Этнос и ментальность/Школа мысли. Альманах гуманитарного знания. – 2016. № 3(15) – 125с. (7-22с)

21. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.:Прогресс, 1987. Электронная версия

22. https://greater_political.academic.ru/159/ПРОТЕСТАНТИЗМ

23. Новейший философский словарь <http://slovar.cc>

24. Божедомский А. На Западе даже жестче
<https://vz.ru/politics/2012/7/16/588701.html>

ЭСТЕТИКА

В.С. Ежов
г. Новосибирск

ЭСТЕТИКА ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА

Аннотация:

В данной статье рассматривается преобразование тела в бытийности и искусстве

Ключевые слова: эстетика, тело, культура, человек, творчество, искусство

V. S. Ezhov
Novosibirsk

AESTHETICS OF THE HUMAN PHYSICALITY SHAPING

Abstract:

This article is devoted to the aesthetics of body transformation in reality and art.

Key words: aesthetics, body, culture, human, creativity, art.

Современное развитие информационного общества ознаменовало начало эры технологического мышления. На смену учёному с целостным эстетическим созерцанием приходит в противопоставлении естествоиспытатель – преобразователь. Потребность в объяснении мира ослабевает, а кантовская «вещь в себе» исследуется в практической плоскости по комфортному обустройству жизни. Установка на преобразования мира в решении глобальных проблем породила возможность применение биотехнологий. Она создала предпосылки к радикальному изменению биологической природы человека, обострив проблему соотношения биологического и социального в программировании желательного организма [1]. Ещё в античной философии в знаменитом тезисе Протагора «Человек есть мера всех вещей» понятие «природы человека» представляла очеловеченной. Однако в истории европейской философии оно не сводилось к объективным вещественным характеристикам. И. Кант утвердил возрастающую роль субъективного фактора в освоении мира. Человек в своей сущности и существовании как часть Вселенной претерпевает процесс конструирования. Очеловечивание природы как креативный процесс,

связанный с понятием «событие», вносит состояние неопределённости. В науке возрастает начало особой ответственности человека за себя и природу вообще [2].

Проблемное исследование Универсума в его системности при различии онтологических взглядов выявило определённые эстетические формы его сущности, существования и осуществления. В основные структурные особенности пространства включаются природа, социум, коммуникации и разумная деятельность человека. При его характеристике интегрирующим основанием выступает культура как мегасистема бытия. При развитии цивилизации определяющую роль в становлении культуры мыслители отводят природе [3, с.120]. Историческая протяжённость противоречивой связи природы и человека осуществлялась разнонаправлено. В философской традиции Запада человек противостоял природе, в восточной был включён в неё. Целостная культурная жизнедеятельность человечества в мире во всех формах, видах и особенностях бытия была обусловлена природой [4, с.117].

Согласно эстетике И.Канта, природа – первоначальна, культура – вторична, но культура имеет относительную самостоятельность. Природа и культура имеют различный характер обусловленности: природная обусловленность причинна, а культура обусловлена целесообразностью, что по Канту означает созерцание красоты без цели. Связующим необходимым «мостом» между природным «сущим» и должным миром свободы, он считал эстетическое сознание и культуру. «Приобретение...разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) – это культура. Следовательно, только культура может быть последней целью, которую мы имеем основание приписать природе в отношении человеческого рода... Но не каждая культура достаточна для этой последней цели природы. Культура умения, конечно, есть главное субъективное условие для того, чтобы быть способным содействовать (достижению) целей вообще, но её всё же недостаточно для того, чтобы содействовать воле в определении и выборе её целей...» [5, с.310].

Сегодня, в эпоху усиления экологического кризиса, ещё в пору появления человека, т.е. общественного разумного существа, человечество столкнулось с неким раздвоением, со структурной особенностью онтологического содержания человеческого бытия. Как факт, природа в своём субстанциональном существовании

раздвоилась как бы на различные «куски» со своими ритмами существования. Единое универсальное бытие по – разному осуществляет себя в двух разошедшихся своих модификациях: природы « как таковой» и природы, выступающей в виде «естественно – исторического» организма – общества. Принципы биоэтики, применение современными биотехнологиями обостряют проблему нанесения так называемого «необходимого вреда» телу человека.

Существуют различные философские концепции смысла тела – биологический, этический, социальный. Телесность понимается как вторичное проявление этих уровней. Общение с человеческим телом до появления этих концепций проявляется изначально как символично – эстетический смысл его. Земное тело в его материальности несовершенно, подвергнуто низменным страстям, болезням, смерти. Подлинную изначальность сущность природы тела можно приобрести в эстетической теургии тела, т.е. в приобретении нетленности. Если ясновидение воспринимает внешнюю форму, то непосредственное внутреневидение проникает в иную субъективность. «Символично – эстетический смысл тела заключается в выражении полноты внутренней жизни во внешней открытости Другому. Тело – это вещь, наряду с прочими вещами, и не только внешняя форма, но момент тождества внешней формы и внутреннего содержания. В повседневном восприятии мы отчуждаем от тела его внутреннее содержание, обращая внимание только на его внешнюю форму, что заставляет воспринимать тело в аспекте материальности. Материальность предполагает собственное автономное бытие, которое, будучи иным по отношению к сознанию, не самообнаруживается. В этом смысле материальность не следует смешивать с телесностью, которая хотя и воспринимается опосредованно органами ощущений, но также дана и в качестве факта внутреннего самосознания, т.е. является результатом неспособности за внешней данностью разглядеть внутреннее содержание. Материальность порождается объективирующим восприятием, отчуждающим тело от его внутреннего содержания. Полагание тела в качестве внешнего предмета наряду с другими предметами подчиняет его принципу материальности. В соответствии с этим принципом тело наделяется автономным от самого человека существованием» [6, с.160].

Действительное положение (различение) между двумя «кусками» указывает на расхищение и истребление «внешней»

природы оборачивается уничтожением природы, данной человеку «изнутри» – в виде его собственного тела, его собственного организма. Известно, что для нормального функционирования организма необходим некоторый «минимум» всех других организмов, образующих целостность окружающей его среды. Нарушение целостности (диалектик Гегель сказал бы: «тотальности») внешней среды, в конечном счёте, равнозначно разрушению органики человеческого тела. При этом конфликт между двумя «частями» природного универсума предстаёт как внутренний конфликт человека уже на телесном уровне, а именно, человеческий организм развивается в поле «конфронтации» двух ритмов – «чисто» природного и социального («естественно – исторического»). Решение этого конфликта начиналось с первобытности и достигло высшей формы в современности, проходя (так хотелось думать) через «сердца» людей! [7, с.47]. Здесь важно участие культуры. Только культура может преодолеть природность и утвердить духовность, проникнуть в тайну трансцендентного. В философии И.Канта трансцендентальность характеризует всё то, что относится к априорным условиям возможного опыта, формальным предпосылкам познания, которые организуют научный опыт.

Процесс эстетизации реальности в современной культуре стремится к автономизации, к самодостаточности. Данный процесс трансформации мышления и сознания имеет глубокие корни, начиная с эпохи Просвещения (И.Канта). Философской основой эстетики конструктивизма является субъективизм в познании и культуре, когда растворяется «эпистемология в онтологии» [8]. Так в символическая форма конструктивизма – технологизме, порождённой научно – технической революцией (сферами информационной и биомедицинских технологий), происходит слияние техники и искусства. Мировоззренческая основа конструктивизма утверждает приоритет искусственного созданного над естественным при изменении природы, общества и человека. Тип мышления конструктивизма реализует тезис Канта: «Мы познаём мир настолько, насколько его творим». В процессе познания человек отражает мир не только рационально, но и эмоционально. Иначе говоря, познающий индивид явления действительности непосредственно соотносит со своими устремлениями, потребностями и интересами, проводить различие между добром и злом, истиной и ценностью.

Появление ценностного отношения отмечается уже у древнего человека. Ценность выступала как способ избирательности к определенным фактам, исходя из тех или иных установок (ментальности) исторического субъекта. К примеру, по мере созидания древним человеком первых орудий, артефактов культуры формировались утилитарные и эстетические ценности [9]. Совершенствование технических навыков способствовало в диалектической взаимосвязи становлению и развитию бинарных предпосылок эстетического сознания, его творческих возможностей, которые во взаимосвязи в свою очередь способствовали совершенствованию орудийности. Древние люди были бессознательными одаренными физиками. Трасологический анализ орудий эпохи ашеля – мустье показывает высокий уровень точности и направленности интенционального акта, интуитивного удара, нажима, хотя они не знали, например, сущности закона параллелограмма сил. По этому закону механики, две известные силы, действуя под любым углом на одну точку, могут быть заменены силой, которая называется равнодействующей, а по своей величине и направленности равна диагонали параллелограмма, построенного из слагающих сил. При этом древние мастера должны были знать при ударе твердость и структуру камня, а значит, длину и толщину предполагаемого скола. Равнодействующая (как некая пропорциональная гармония внутренней цельности параллелограмма и внешнего вида камня) разлагала камень при ударе на его составные части. Подобная гармония в природе существует как среди световой и цветовой гаммы, так и в движении живых существ. Своё восприятие законов роста и масштабности живой природы он переносил на производственные изделия. Освоение природной законосообразности древним человеком в практике социальной целесообразности (целеполагании) способствовало углублённому осознанию сущности эстетического, его формальных и содержательных признаков. Таким субъектом стал позднее человек современного физического типа – *Homo sapiens*.

Объективная основа эстетических отношений коренится в регулятивных свойствах реального мира, формальных признаках красоты, которые являются всеобщими и воспринимаются в непосредственном чувственном восприятии и переживании. Они в эстетических ценностях объективно существуют и человеческое сознание, интуитивно нащупало их при эстетической оценке [10]. Становление рефлексивной интуиции в эстетическом сознании

как непосредственное усмотрение скрытого ценностного смысла в явлениях действительности, а также в произведениях древнего искусства, выявляло существенное, повторяющиеся связи в их определенной регулярности.

Закономерность последовательных изменений наблюдалась в развитии биологической целостности человека, когда получают значение определенные показатели ступени стадийного и физического совершенствования человека, определённые структуры и содержание элементов эстетического сознания. В реальном историческом процессе в целом преобладало ненасилие над насилием. «Применение силы, насильственных методов и действий в современном мире неоправданно, так как это ведёт к деградации личности, к дегуманизации и деморализации общества. Ненасилие как философия, нравственное учение и как социальная практика во многом переросло ненасильственный способ решения проблем, переросло и духовно, и душевно. Этика ненасилия, её принципы и методы должны стать основой взаимоотношений не только между людьми, но и в отношениях к природе, к живым организмам, ко всему Живому вообще» [11, с.68; 12; 13].

Изучения человеческого тела начинается в глубокой древности с искусства. Палеолитическое искусство познавало тело через скульптуру, а живописи в пещерных петроглифических знаках (оттиск руки на глине). Например, археологи обнаружили в древних погребениях краниологические признаки для реконструкции некоторых социально-этнических культурных характеристик, выявляя их групповую целостность через индивидуальную особенность отдельных субъектов, а, именно, искусственную деформацию головы. «Происхождение и длительное время сохранения обычая искусственного изменения формы черепа определяется несколькими мотивациями: желанием украсить себя (*эстетически*. – В. Е.), защитить от болезней, подчеркнуть свой социальный статус и отличие от инородных групп» [14 с. 257].

Естественная последовательность познания у человека начинается с чувственной образности и приходит к научному осмыслению [15]. Путь совершенствования познания человеческого тела через частичную легализацию препарирования в эпоху возрождения привёл к появлению анатомии и к научному искусству [16, с.117]. Характерно для этого времени появление анатомических практик (анатомического театра) с усилением выразительности натурализации тела. В современной жизни, в

искусстве происходит эстетизация безобразного, на смену категории прекрасного приходит доминирование безобразного, абсурда, шок, насилие, жестокость, отвращение и заумь «В этом смысле искусство само становится жизнью и в своих авангардных формах стремится максимально расширить свои границы, приблизиться к жизни. Нет грани отделяющей (*эстетической дистанции* – В.Е.) простое чувственное наслаждение от эстетического наслаждения... Это искусство уже не стремится выразить общечеловеческое, вечные ценности, ибо, отказавшись от идеи преемственности, оно стало ориентироваться на идею самоценности сиюминутного, непосредственного опыта. Но без великих идей нет великого искусства. Современное искусств, разбивает традиционные клише, оно ищет необычную форму и в новизне, прежде всего, формы видит эту задачу. Оно ориентируется на диссонансы и дисгармонию...» [17, с.109].

Нет никакой постоянной заложенной природы человека (Ж.-П. Сартр). Мечты о создании сверх – людей находили воплощение в проектах позитивной евгенике. Как определить разумный предел желаниям человека стать лучше? На смену современным коллективным утопиям приходят индивидуальные – индивид не мечтает об идеальном обществе, а коррелирует свои желания к лучшему, мифологизируя свои предпочтения. Эти квазиромантические устремления проявляются в магических операциях над телом «Такой же результат получался и как следствие вполне серьёзного переноса и всей человеческой чувствительности, а не только рассудка на всю природу, поскольку чувствительность эта тоже перестала быть в изоляции от рассудка, но тоже была полна идейно – философского содержания» [18, с.189]. Неосознанная мифовыразительность в своих метаморфозах проявляется в системе реакций на акт творения «Творение, сотворённое через жестокость, само становится творящим...такие реакции при помощи метаморфоз жестоки, ибо само творение есть жестокость. Испытанное страдание не может быть уничтожено никак иначе, чем через страдание, проецируемое вовне. Муки и родов выступают компенсацией жестокости зачатия... Совесть, которая питается упрёками из прошлого...обращена вспять, чтобы стать уверенностью в собственных силах, волей к будущему и надёжным светом для личности, опьянённой своими помыслами. Повсюду, у всех существ, на всех уровнях развития можно найти в качестве некой неизбежной компенсации закон равенства акта произвола и реакции насилия на него, закон равенства творения и

бунта. Если говорить точнее, то насилие, бунт представляются некоторым душам единственным выходом из их личной судьбы. Непослушание – для тех, кто не наделён в достаточной мере милостью или разумом, – есть непосредственное и решающее доказательство самостоятельности. Тот, то творит личность, не должен ли он ожидать вслед за этим – и бунта? Ведь самая непосредственная функция личности – восставать. Для личности нужны специальные ограничительные огни, чтобы она могла себя сдерживать, не раздражаясь и не расходуя себя на препятствия; ей нужна особая смелость, чтобы подавлять стихийные порывы возмущения... Таким образом, мы приходим к пониманию действительного динамического равновесия, равновесия взаимного возбуждения между Творцом и его творением... Вообще говоря, мифология могущества должна создавать одновременно и богов и насилие, и богов бунтующих» [19, с.315 – 316].

В религиозных представлениях христиан есть желание обладать в потустороннем мире прекрасными телами (небесном, астральном, неземном, эфирном, хрустальном теле) взамен старого представления о воскресении первоначального физического тела. В этом есть сходство со спиритами, которые верили в существование некоторой промежуточной эстетичной формы между материальным миром и сознательным духом. В христианском мире теургия понималась как действие или проявление в нашем мире божественного. Расширение теургии до сферы повседневной жизни ведёт к преобразованию жизни. «Итак, на необходимости тела для существования души в другом мире настаивали главным образом не скептики, или верующие – это делали сами имморталисты всех времён и культур. Поступая так, они совершенно определённо отдали дань уважения монистическому принципу, согласно которому человеческая личность и человеческое тело являются существенными и неотделимыми спутниками друг друга. Ведь имморталисты не только дали остающемуся «я» какое-то тело – они дали ему тело, настолько похожее на посюстороннее, земное тело, насколько это было возможно, а в случае воскресения – то же самое тело, переделанное для целей бессмертия... Тот, кто решил стать бессмертным, должен решить, какое из различных предложенных видов тела он будет постулировать для себя» [20, с.72]. Красота этих «МИФов И БОГов» в пренебрежении к красоте Вселенной. Художники – модернисты «абстрактного реализма» (и эстетики телесности) пытаются превратить «хлам земли» превратить в знаки новой духовной истины, заложенной во всём

Творении. Их эстетическое поле как бы формирует новые конструкции жизнедеятельности людей (и в телесной форме человека) в освоенной Вселенной. Эстетические ценности обладают эмоциональной выразительностью. Ещё Платон в диалогах – «Пир», «Федр», «Филеб», «Гиппий больший» утверждал социальную духовную значимость содержательной формы, выражающей гармонию, соразмерность, меру, благо и мудрость [21]. Современное конструирование своих биологических формообразованных качеств, эстетических выразительных предпочтения нередко навязаны рынком. «Характеристика эмоциональной интерпретанты показала, что необходимым условием коммуникации эмоции является наличие изображения, основу которого составляет форма» [22, с. 271]. В этой связи «либеральная генетика» рекомендует применять гуманитарную экспертизу, чтобы оградить от риска создания некой расы особо развитых людей. Важно знать, что в эпоху современной эстетизации реальности (социального конструктивизма) исчезает искусство, слияние с ней, когда происходит «ликвидация посредством переизбытка, расширения за собственные пределы» [23, с.17]. Так современная биомедицина как – то эстетизирует тело. Арт - искусство с заниженной эстетикой утверждает красоту природной материальности, например, в известном «шедевре» Дюшана или в арт – проекте Хагенса. Проблема современного человека определяется с новых эстетических позиций в искусстве и науке. Возникают разновидности современного научного искусства: дигитальное и био – арт. Философия постмодернизма утверждает эстетическую дистанцию к будущему «пост – человеку». Современная эстетика рассматривает чувственность как чувства – образы и чувства – эмоции. В мир искусства вторгаются современные компьютерные технологии. Эстетика био – арта обогатила нас новыми своими гранями. Актуальность егенической идеи улучшения человека возрастает, реализация её технизируется. Трансгуманисты говорят об изменениях генного материала человека в эстетических целях [24]. Создание интеллектуальных качеств гениев вызывает сомнение. Гением нельзя стать, им надо родиться!

Эстетические качества виртуальной реальности проявляются, прежде всего, в доминировании в ней зрительно – чувственной образности и слуховых и осязательных ощущениях. «Эти формы образности могут вполне адекватно воспроизводить действительность, а могут совершенно не совпадать с ней, искажать её. Но приоритет в формировании общественного и

индивидуального мироощущения, мировоззрения, представления о происходящих событиях остаётся за виртуальными образами, несмотря на их очевидную вторичность, производность, а бывает и ложность» [25, с.140]. Надо изучить природу человека и знать социальные последствия. Пост – человек равнодушен к основам цивилизации, им утрачена связь с прошлым (Ортега-и-Гассет). Развитие современной цивилизации глубинно изменяет отношения души и тела. Их противоречивое существование будет порождать новые парадоксы в эстетике. «Тело выйдет из употребления как лошадь или паровая машина в эпоху электричества, и станет забываться как источник глубочайших и интимных переживаний, как средоточие человеческого самосознания, как ценностная основа цивилизации» [26, с.13].

В связи с этими «перспективами» философско – эстетическому осмыслению важно в решении проблем найти пути выживания человечества, определить новую сущностную основу идентичности человека разумного.

Список литературы:

1. Кетова Т. Н. Конструирование человека в мире биотехнологий. Материалы всероссийской конф. «Гармония и хаос: этико – эстетические аспекты», Санкт – Петербург, 17– 18 нояб. 2006. Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ: СПб.: Санкт – Петербургское философское общество, 2007. – №2.
2. Пригожин И. Очеловечивание человека, креативность природы и креативность человека / Вызов познанию: стратегия развития науки в современном мире. – М.: Наука, 2004.
3. Тойнби А.Дж. Постижении истории. – М., 2003.
4. Быстрова А. Н. Культурное пространство: сущность и структура. Новосибирск: ЗАО ИИП «ОФСЕТ», 2004.
5. Кант И. Критика способности суждения. Кант И. Основы метафизики нравственности. Москва: Мысль, 1999.
6. Карпицкий Н. Н. Опыт тела и его судьба в истории культуры. Человек.RU Гуманитарный альманах. Тема номера: Антропология в России: школы, концепции, люди. – Новосибирск, 2007.
7. Традиции в истории культуры. М.: Наука, 1978.
8. Феррарис М. Что такое новый реализм? // Вопросы философии, 2014, №8. С.145 –159.
9. Ежов В.С. Эстетическая выразительность знаковой образности древних артефактов. – Научное искусство: Тезисы I Международной

- научно-практической конференции. МГУ им. М.В.Ломоносова, 04-05.04.2012. Под ред. В.В.Миронова. / Science Art: Abstracts of Papers of the International Conference, Lomonosov Moscow State University, 04-05.04.2012. Ed. V.V.Mironov.– М.: МИЭЭ, 2012.
10. Мамардашвили М. Эстетика мышления. М., 2000.
 11. Рыбьякова Ю.Н. Насилие и ненасилие – как хаос и гармония человеческого существования. Материалы всероссийской конф. «Гармония и хаос: этико – эстетические аспекты», Санкт – Петербург, 17– 18 нояб. 2006. Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ: СПб.: Санкт – Петербургское философское общество, 2007. – №2.
 12. Гусейнов А. А. Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии.1994. № 6.;
 13. Опыт ненасилия в 20 столетии. Социально – этические очерки. М., 1996.
 14. Шпакова, Е. Г. Точечная деформация и особенности ее проявления [Текст] / Шпакова Е. Г. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд – во Ин – та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С. 257 – 260.
 - 15.Лихачёв Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб..1996.
 16. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008.
 17. Матюшова М. Культурологическое обоснование квазиискусства. II Овсянниковская международная эстетическая конференция (ОМЭК II). Научное и постнаучное в современной эстетике. М.: ЗАО, «Книга и бизнес», 2006.
 18. Лосев А. Ф., Тихо - Годи М. А. Эстетика природы: – М.: Наука, 2006.
 19. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2004.
 20. Ламонт К. Иллюзия бессмертия. – М., 1984.
 21. Татаркевич В. Античная эстетика. – М., «Искусство», 1997.
 22. Басин Е. Я. Семантическая философия искусства. М., 2012.
 - 23 . Бодрийр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
 24. Мигунов А.С. Дигитал – арт и био – арт в поисках новой формулы человека. Философия современного искусства: Материалы VI Овсянниковской международной эстетической конференции. Москва, 13 – 15 ноября 2014 года / Философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Издатель Воробьёв А.В., 2014.
 25. Рюмина М. Т. К онтологии художественного и виртуального

образов. Эстетика: прошлое, настоящее и будущее. Материалы международной научной конференции в память 90 – летия со дня рождения Михаила Федотовича Овсянникова (1915 – 1987), проведённой в МГУ Москва, 21 – 22 ноября 2005 года. М., МГУ, 2007.)

26.Эпштейн М. Философия тела. СПб., 2006.

ГЕРМЕНЕВТИКА

В.Ш. Сабиров
г. Новосибирск

БЕЗНОСЫЙ УЖАС.

(Три смысловых пласта повести Н. В. Гоголя «Нос»).

Аннотация: Повесть Н.В. Гоголя «Нос» принадлежит к тому кругу художественных текстов, для которых характерна многослойная структура смысловых значений. Каждое из них необходимо держать в уме. Только тогда мы постигнем подлинную глубину и значительность исследуемого произведения.

Ключевые слова: герменевтика, смысловые пласты произведения, чиновничество как онтологический тип

V. Sabirov
Novosibirsk

NOSELESS HORROR.

(Three semantic layers of N. Gogol's novel "The Nose").

Abstract: N. Gogol's novel "the Nose" belongs to that circle of literary texts that are characterized by a layered structure of semantic values. Each of them must be kept in mind. Then we will understand the true depth and significance of the studied work.

Key words: hermeneutics, layers of the work meaning, bureaucracy as an ontological type

В качестве предварительных замечаний приведу ряд деталей из биографии писателя, которые, как мне кажется, дают веские основания трактовать повесть именно в том ключе, в каком она здесь представлена. Отмечу, что «Нос» был написан в 1836 году, на следующий год после «Невского проспекта». Обе повести написаны по «свежим следам»: Н.В. Гоголь прибыл в Петербург 1829 году и естественно изучал этот город как провинциал, прибывший в столицу великой империи. Автору «Носа» в момент ее опубликования было всего 25 лет, он был еще совсем молодым человеком, жаждущим не только творчества и славы, но и, надо полагать, жизненных удовольствий и счастья. Повесть «Невский проспект», в которой, думается, имеется автобиографическая основа, в какой-то мере позволяет делать такие предположения.

В повести «Нос» я выделяю три смысловых пласта: социальный, эротический (фаллический) и религиозно-философский. У самого писателя можно обнаружить в тексте мысль о многозначности и

многослойности его произведения. Подводя в шутливой форме итог своего повествования о приключении с майором Ковалевым, Гоголь пишет: «... как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно...нет, нет совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...

А однако же при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье...»

Молодого провинциала, приехавшего в Петербург, не могло не поразить обилие чиновников и та огромная роль, которую они играли в жизни не только государства, но и простых граждан. Внимательному взору умного и наблюдательного человека открывалось, что при всей значительности роли чиновника в жизни государства и его граждан сами они были в своем большинстве незначительными персонами. Сатирический талант писателя едва ли мог обойти эту благодатную тему. Художественное осмысление феномена чиновничества, осмеяние и критика безликого бюрократического чина были неизбежны. Так появился на свет «Нос».

Чиновничество – это способ обезличенного существования. Лицо чиновника, его личность не имеет душевной и духовной глубины и вся уместается в теле и без тела не существует. После смерти чиновника не остается ни ценностей, ни памяти. Чиновник – это тело, занимающее определенное пространство – должностное кресло. Последнее является продолжением тела и его смыслом. Телесная смерть чиновника освобождает его кресло и дает смысл жизни следующему чиновнику и так без конца.

Существование чиновника драматично. Оно есть необходимость решения антиномии: выделиться или не выделиться, обратить на себя внимание или, напротив, остаться незамеченным в какой-то конкретный момент его служебной деятельности. Чтобы правильно решать эту антиномию, нужно держать нос по ветру, т. е. нужно обладать тонким чиновничьим чутьем, нюхом, чувствующем все подспудные движения бюрократической машины, запахи властных отношений и конъюнктуры. Естественно, что потеря носа символизирует утрату этого чиновничьего чутья и равносильна жизненной катастрофе. Без нюха никакая карьера невозможно. Более того, оказаться без носа – это значит выделиться на общем фоне в неблагоприятном свете и, следовательно, поставить под серьезную угрозу пребывание на прежнем месте. Потеря места для чиновника чревата моральной и физической смертью. Таким образом, нос (эта, казалось бы не очень значительная часть человеческого лица) приобретает в жизни чиновника огромное

значение, а его потеря для чиновника равносильна утрате жизненных удовольствий, сопряженных с должностью и утрате самой жизни.

Так мы подходим к следующим смысловым пластам повести «Нос».

Предположение о том, что в повести Н.В. Гоголя речь идет вовсе не о носе, а о другой еще более важной детали человеческого, точнее мужского организма не ново. Мое мнение на этот счет такого: если мы хотим постичь всю полноту смыслового содержания повести, то необходимо удерживать в уме как идею «носа», так и идею «фаллоса», которая, действительно, вложена в структуру произведения великого писателя.

Прежде, чем привести выдержки из текста повести, позволяющие делать такие предположения, выскажу догадку о том, что замысел такого рода, мог возникнуть в голове писателя под влиянием рисунков, известного характера, принадлежащих карандашу А.О. Орловского, русско-польского художника, жившего в России с 1802 года до самой смерти, наступившей в 1833 году (см. Эротика в русской литературе. От Баркова до наших дней. Тексты и комментарии. – Литературное образование. Специальный выпуск. М., 1992). Возможно, что Гоголь задумывал свою повесть как своеобразную юмористическую головоломку двусмысленного (в моральном значении этого слова) содержания. Ведь Н.В. Гоголь был все-таки великим и смелым сатириком, наделенным большим чувством юмора. Впрочем, объективный результат получился значительно более предполагаемого замысла: повесть читается как трагикомическая фантасмагория, обнажающая тайну человеческого бытия.

Какие можно привести подтверждения в пользу скрытого в повести фаллического смысла? Их достаточно много, чтобы не обращать на них внимания. Аллюзии соответствующего содержания встречаются чуть ли не на каждой странице.

Приведу несколько выдержек из текста.

«Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, - ругается жена цирюльника Ивана Яковлевича, обнаружившего в утреннем хлебе нос коллежского асессора Ковалева, - а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! ... Ах ты пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала! » (Здесь и далее подчеркнуто мною- В. С.).

« Послушай, голубушка, - говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки: «ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев-тебе всякий покажет». Если же встречал какую-нибудь смазливенькую,

то давал ей сверх того секретное приказание...» По этому отрывку можно заключить, что майор Ковалев, как и всякий неженатый мужчина в расцвете сил, питал повышенный интерес к женщинам, к тому же был неразборчив в выборе сексуальных партнеров.

«Майор Ковалев был не прочь и женится; но только в том случае, когда за невестой случится двести тысяч капитала. И потому читатель теперь может судить сам: каково было положение этого майора, когда он увидел вместо довольно не дурного и умеренного носа, преглупое, ровное и гладкое место».

«Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился». Представить себе лицо носа, да и вообще персонифицированную фигуру из этой детали человеческой головы совершенно невозможно даже при самом богатом воображении. А вот наделить личностными чертами и обозначить хотя бы пунктирно детали лица в фаллической плоти вполне по силам каждому, у кого есть элементарные зачатки фантазии и воображения. К этому следует добавить, что нос, исчезнув с лица майора Ковалева, оставил за собой совершенно гладкое место. В таком случае лицо очень напоминает фаллос, не потому ли несчастный майор Ковалев стыдливо прикрывает это место. Немаловажная деталь: нос фигурирует в чине статского советника, и коллежский асессор вынужден обращаться с ним подобающим образом, т. е. со страхом и почтением. Это, кстати, точно передает психологию мужчины, судьба которого в известных обстоятельствах всецело зависит от «своеволия» его интимного двойника. Только тому, что не подвластно уму и воле человека и в тоже время служит источником его удовольствий и счастья, можно относиться с чувством религиозного пиетета. Так что не случайно «нос» оказался в храме. В этом эпизоде неизбежно возникает аллюзия с фаллическими культами. Фаллосу поклонялись и поклоняются во многих религиях мира. Набожность и молитва, таким образом, легче ассоциируется с фаллосом, нежели с носом.

Частный пристав, к которому явился несчастный майор Ковалев, рассуждает в том духе, что «у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам. »

« И после того (возвращения носа на свое место) майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам...»

И, наконец, уместно напомнить, что коллежского асессора Ковалева (коваль-кузнец, символ мужской силы и повышенной витальности)

звали Платоном. Независимо от того, сознательно или произвольно Н. В. Гоголь назвал своего героя именем античного мыслителя, но в нашем сознании неизбежно возникает ассоциация с автором не только «Государства», но и диалогов «Пир» и «Федр», посвященных проблеме Эроса. Можно вспомнить, что в «Пире» философы дискутируют вопрос о том, смертен или бессмертен бог Эрот. Окончательный вывод, сформулированный Сократом, таков: Эрот, единственный из богов, и смертен, и бессмертен. Он умирает, но затем заново возрождается. Следовательно, здесь мы находим намек на то, что как физические желания, так и любовные чувства могут угасать, но они со временем способны вновь возродиться. Образ умирающего и воскресающего бога очень важен для понимания главной идеи рассматриваемой повести.

Повесть, прочитанная под новым углом зрения, приобретает совершенно новый колорит.

Можно представить ужас гоголевского персонажа, мечтавшего приобрести капитал выгодной женитьбой и вообще ловеласа и сладострастника, потерявшего если не сам детородный орган, то хотя бы его функции. Проблема пола, точнее бездеятельного (безжизненного) пола, является иновыражением проблемы смерти. Смерти не только физической, но и личностной и социальной. Утрата так называемого «носа» сталкивает майора Ковалева со смертью, которая - то и сводит его с ума, принуждает совершать судорожные поступки. Паника, которая охватила майора Ковалева, есть состояние умирающего, цепляющегося за все, что может вытащить его из этого состояния.

Тут мы подошли к третьему смысловому пласту повести Н.В.Гоголя «Нос».

«Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь».

Образ старух с завязанными лицами очень важен, ибо содержит в себе двойной смысл. Во-первых, в буквальном прочтении речь идет о женщинах с провалившимися носами, т.е. пораженными известной венерической болезнью. Здесь мы вновь получаем намек на сексуально-эротический компонент смыслового содержания повести, который открывает вход в семантический мир третьего уровня:

Жизнь пола, стихийная и беспорядочная, чревата смертельно опасной и позорной болезнью (физическая, моральная, а значит и социальная смерть для чиновника здесь одинаково страшны). Во-

вторых, безносая старуха есть символ смерти, один из эпитетов смерти - «безносая».

Современный философ Л. Карасев считает, что в повести Н.В. Гоголя закодирован фундаментальный онтологический вопрос, характерный не только для этого писателя, но и для всей русской культуры и составляющий бессознательную архетипическую структуру русского национального менталитета. «С онтологической точки зрения «Нос» выглядит так: на поверхности текста – фантазмагория деталей и событий, а в глубине – тайная (и прежде всего для самого Гоголя) работа ума, ищущего способа уберечь тело от смерти» /Карасев Л. Гоголь и онтологический вопрос. – Вопросы философии, 1993 №8, с. 87/.

Действительно, для русского менталитета характерно бессознательное стремление избежать не только смерти, но и тления. Телесная смерть, образ праха, поедаемого червями, сводили с ума Л. Толстого, Л. Андреева и других деятелей русской культуры, что свидетельствует об архетипической природе этих переживаний. Н.В. Гоголь также являлся носителем данного умонастроения. В своем завещании писатель требовал: «Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения.... Предать же тело мое земле, не разбирая места, где лежать ему, ничего не связывать с оставшимся прахом; стыдно тому, кто привлечется каким-нибудь вниманием к гниющей персти, которая уже не моя; он поклонится червям, ее грызущим (в этих словах застыл, закодирован немой ужас от сознания тленности тела, который прикрыт внешне спокойными распоряжениями писателя – В.С.); прошу лучше помолиться покрепче о душе моей, а вместо всяких погребальных почестей угостить от меня простым обедом нескольких не имущих насущного хлеба (Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992, с.39-40). Далее писатель завещает не ставить ему никакого памятника и делает прочие наставления, которые можно истолковать не только как свидетельство его личной скромности, но и как сознание их абсолютной бессмысленности с точки зрения посмертной участи тела.

Можно согласиться с Л. Карасевым в том, что идея убегания плоти от тлена в бессознательной форме присутствует и в других произведениях Н.В. Гоголя. Однако было бы нецелесообразно и нелепо все смысловое содержание повести «Нос» сводить к этой идее, к тому же не осознаваемой автором, т.е. Н. В. Гоголем. Не в сомнамбулическом же сне он писал «Нос». Нет сомнения, что писатель ясно и отчетливо для себя формулировал тему и имел

какие-то замыслы, которые воплощал и воплотил в тексте.

« Он бросился к нему в ноги и молил кончить портрет, говоря, что от сего зависит его судьба и существование в мире, что уже он тронул своею кистью его живые черты, что если он передаст их верно, жизнь его сверхъестественною силою удержится в портрете, что он чрез то не умрет совершенно, что ему нужно присутствовать в мире». Так Гоголь устами ростовщика из «Портрета» выражает желание испытать возможность продления земного существования хотя бы и в форме художественной копии с оригинала, обреченного на смерть. Н.В. Гоголь в «Петербургских повестях» проводит как бы мысленные эксперименты параллельного или посмертного существования своих персонажей. Он сознательно наполняет свои произведения двойниками.

Действительно, многие персонажи писателя раздваиваются и каждый из этих дубликатов ведет некоторое время самостоятельную жизнь. Удвоение героев происходит различным образом. Так, молодой художник Пискарев из «Невского проспекта» проживает другой вариант собственной жизни во сне и наркотических галлюцинациях. А Акакий Акакиевич после смерти еще будоражит город в образе живого мертвеца. «Нос» тоже есть двойник майора Ковалева. Остается только определить, какую идею или человеческое качество он персонифицирует. Мне кажется, что ключ к разрешению данного вопроса можно отыскать у Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых», в сцене Ивана с чертом, т. е. со своим двойником.

«Друг мой, - заметил сентенциозно гость, - с носом все же лучше отойти, чем иногда совсем без носа, как недавно еще изрек совсем болящий маркиз (должно быть, специалист лечил) на исповеди своему духовному отцу иезуиту. Я присутствовал - просто прелесть. «Возвратите мне, говорит, мой нос!» И бьет себя в грудь. «Сын мой, - виляет патер, - по неисповедимым судьбам провидения все восполняется и видимая беда влечет иногда за собой чрезвычайную, хотя и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила вас носа, то выгода ваша в том, что уже никто во всю жизнь не осмелится вам сказать, что вы остались с носом». —«Отец святой, это не утешение! — восклицает отчаянный, - я был бы, напротив, в восторге всю жизнь каждый день оставаться с носом, только бы он был у меня на надлежащем месте!» — «Сын мой, - вздыхает патер, - всех благ нельзя требовать разом, и это ропот на провидение, которое даже и тут не забыло вас; ибо если вы вопиете, как возопили сейчас, что с радостью готовы всю жизнь оставаться с носом, то и тут уже косвенно исполняется желание ваше: ибо потеряв нос, вы тем самым все же как бы и остались с носом...»

Далее, черт, рассказавший эту историю с носом маркиза и о схоластических ухищрениях католического священника, воспроизводит эпизод грехопадения другого патера, поддавшегося прелестям блудливой девицы.

Словами черта Ф.М. Достоевский рисует картину отпадения человека от Бога, его отказа от идеи Бога, купленных за мгновения плотского, безбожного любовного экстаза. «Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской (читай дьявольской – В.С.), титанической гордости, и явится человек – бог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как Бог. Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение, и возлюбит брата своего уже без всякой мзды. Любовь будет удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно лишь сознание ее мгновенности усилит огонь ее настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную...»

Таким образом, отделившийся «нос» - это есть персонифицированная похоть. Похоть здесь нужно толковать в широком смысле. Имеется ввиду не только плотская похоть. Властолюбие, например, тоже представляет собой разжигание страстей, имеющих, кстати, сексуальную подоплеку. Похоть есть симптом предельного растления души и духа «развращенность есть двойничество и глубокомысленный символ такого двойничества нередко встречающееся и на Западе и на Востоке изображение Сатаны со вторым лицом, на месте срамных частей...». (Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. т.1., ч.1. м., 1990, с.182).

Вочеловечивание «носа» есть не что иное как откровение бездны ада. Майор Ковалев потому и ужасается, что он сталкивается с сатанинской бездной Ничто.

Теперь попытаемся собрать все три смысловых пласта повести воедино в одной идее, на мой взгляд, главной в этом произведении Н.В. Гоголя. Но прежде, отмечу факт чудесного (магически чудесного) воцарения носа на свое привычное место через две недели самостоятельного существования.

Итак, главная идея повести такова: чиновничество бессмертно. Оно бессмертно в этой земной жизни. Всякие попытки посрамить, поколебать его устои или уничтожить чиновничество, государственную

бюрократию (в особенности в России) будут иметь лишь кратковременный успех. Рано или поздно оно с неизбежностью и чудесным образом возрождается, восстанавливая свое тело и функции, чиновничество, подобно богу Эроту, умирает, но затем вновь воскресает. Как фаллос, оно может в мгновение ока пасть и умалиться, но через какое-то время снова восстает, торжествуя властвует, вселяет страх и чувство покорности в сердца рядовых граждан. После каждой временной и насильственной смерти чиновничество увеличивается количественно, его жажда наслаждений возрастает в геометрической прогрессии. В то же время качественный состав чиновничества ухудшается. Образно говоря, тело его становится все более массивным, а душа и ум – все более измельчаются, т.е. чиновников, преданных государственной идее или художников в бюрократическом хороводе, наподобие Акакия Акакиевича, становится все меньше и меньше. Чиновничество живет, но вырождается, а следовательно вырождается и народ, которым оно управляет.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

О.А. Василенко

г. Новосибирск

**КАРНАВАЛИЗАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ
ЯЗЫКОВОГО ТРИКСТЕРА
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ XVIII ВЕКА).**

Аннотация: *Статья раскрывает проблему освоения иностранных языков как социокультурную проблему, лежащую в основе социальных преобразований и социокультурной модернизации в России XVIII века. Основное внимание автор акцентирует на явлении карнавализации, проявившемся как следствие воздействия нового языкового трикстера в России XVIII века и повлекшее за собой трансформацию духовно-ценностных оснований социума.*

Ключевые слова: *иностраннный язык; языковой трикстер; социокультурная модернизация; карнавализация, социокультурные трансформации.*

О.А.Vasilenko

Novosibirsk

**CARNAVALIZATION AS A CONSEQUENCE OF THE
LANGUAGE TRICKSTER EFFECT (By the example of Russia of the
XVIII century)**

Abstract: *The article reveals a problem of foreign languages mastering as a social and cultural one, as a trickster of social changes and sociocultural modernization in Russia of the XVIII century. Special attention is paid to a new phenomenon of a carnivalization having appeared as a consequence of the language trickster effect in Russia of the XVIII century and resulting in spiritual and valuable transformation of society.*

Key words and phrases: *foreign languages, trickster, sociocultural modernization, carnivalization, sociocultural transformations.*

В истории России выделяются «отдельные эпохи с ярко выраженными типическими чертами» [23,с.8], определяющие облик как всего общества, так и личностей. В этом смысле, эпоху Петра I можно представить как эпоху тотальной модернизации общественно-политического бытия России и принудительным внедрением как европейских форм жизни, так и заимствований языковой культуры. Причем, масштабная модернизация страны, вызванная необходимостью контакта с Европейским миром, изменила и

выдвинула новый феномен языкового трикстера.

Так, голландский язык, а впоследствии и немецкий, оказались важнейшими инструментами реформ, и модернизация будущей империи начала осуществляться именно в том стиле, который ретранслировали данные языки и их непосредственные носители со присущим им менталитетом, образом жизни, привычками, принципами и понятиями и, в особенности, стилями существования.

Новый языковой трикстер представлял собой отнюдь не комплиментарное взаимопроникновение разных языковых структур, а скорее некую сложную иррациональную силу, где созидание было прямо пропорционально разрушению. Возникший под влиянием модернизации новый трикстер, приобретает в культуре России сложные формы, «ломает» старые устои и сопровождается с чрезвычайно сложным в социокультурном плане явлением карнавализации, усмотренного и проанализированного М.М.Бахтиным применительно к традициям средневековой европейской культуры.

В основном Россия не знала средневековых традиций карнавала. Другое дело, что это явление, выражавшееся в ритуализированных и приуроченных к определенным временам года ярмарочных балаганах и скоморошестве, было несомненно характерно для низших социальных слоев и чрезвычайно редко не поднималось до элиты. Поэтому крайне интересным и практически неизученным обстоятельством в социокультурном развитии страны оказывается возникновение карнавализации жизни именно в среде элитарного сословия, где законы, запреты и ограничения, определявшие строй и порядок обычной жизни, неожиданно отменяются и уступают место эксцентричности, фамильярности, профанации и другим категориям карнавализации. [1,с.72-73]

Никогда еще карнавализация не поднималась до элитарного сословия, не принимала таких гипертрофированных форм и не сопровождалась фамильяризацией, профанацией и осмеянием прежних духовно-ценностных оснований социума. При этом попытки как-то примириться к новым, чуждым русской ментальности культурологическим формам, и «наложить» грубым и насильственным путем новые традиции на прежнее старорусское бытие, явились свидетельством социокультурного «разрыва»; и принудили жизнь ответить на него карнавализацией, символизирующую пафос смен и перемен, смерти и обновления, смеха и страдания. [1,с.73]

Так, А.Н.Толстой культурологически точно в своем романе «Петр

И» устами своего героя Князя Романа Борисовича Буйносова, также предельно карнавализованного, передал те глубинные и уже почти совершенно необратимые трансформации, происходящие в обществе того времени.

Прежние формы жизни, моральные устои и верования вдруг разом и безоговорочно превращались в «небылицы» [19,с.334], и таким образом отразили грубую фамильярность нового переходного периода. Описание приезда царя с пьяной компанией в дом Князя Буйносова наглядно отражает карнавальное мироощущение: «Танцевать умеешь?... (Какой там,- у девок от стыда слезы от стыда прыщут) Научить... К масляной плясали б минует, польский и контерданс...». «Сделать в доме политес изрядный, - запомни!». [19,с.328] Воспитанных в старых традициях княжны, должны были пить вино, носить немецкие робы, говорить на немецком и голландском и, конечно, по силе возможностей участвовать в культурно-преобразовательных эксцессах своего времени. [19,с.328] «Сидят с утра, разодевшись, делают плезир, - пьют чай и кофей» [19,с.334-335]. Фамильярное отношение распространялось на все: на ценности [1,с.72], мысли, явления, вещи. Дух карнавальной символики присутствует в романе А.Н.Толстого и даже при описании жилища князя: « Вон висит на тесовой стене – где бы ничему не висеть голландская, ради адского соблазна писанная, паскудная девка с задраным подолом. Царь велел в опочивальне повесить не то на смех, не то в наказание. Терпи.....» [19,с.323]

Фамильярные отношения, характерные для периода того времени, непосредственно связаны и с другой карнавальной категорией – профанацией: карнавальное кошунство, целая система снижений и приземлений [1,с.72], которая превратила прежнюю жизнь в «мир наизнанку», [1,с.97] где древние знатные княжеские роды оказались на грани уничтожения, а бояре знатных домов вынуждены были участвовать и в мероприятиях всешутейского собора; и, чем родовитее и уважаемее была старорусская знать, тем более варварский и безобразный характер носят откровенные поругания над ней.

Вообще чрезвычайно интересно, что карнавализацией были проникнуты не только внешние слои, но и глубинное ядро социума [1,с.78], причем все переживаемые карнавальные категории были оформлены карнавальным смехом, обнажая масштабность и гротескный характер последних. Причем, нельзя не заметить, что языковой трикстер в Петровскую эпоху ведет себя крайне вульгарно, отражая пафос перемен и принимая определенную форму социокультурного насилия.

Так, например, стремление Петра модернизировать церковь приняло совершенно нестерпимые формы глумления над духовно-нравственными ценностями Церкви и приняла форму осмеяния сакральных понятий. Составив [21,с.161] «всешутейший собор, выбрав князя-папу, конклав из двенадцати кардиналов с огромным штатом епископов», Петр устраивал балаганные шествия во время церковных праздников, с пренебрежением относился к христианским верованиям и идеалам, вызывая негодование и неприятие у народа в целом. Телеги на свиньях [19,с.205], сани на коровах, колпаки с павлиньими перьями, красные мантии, трубки, сложенные в кресты получают значение некой драматичной социокультурной «точки» [1,с.101], посредством которой были предприняты попытки радикально сменить культурно-историческую парадигму, преступить запретную духовную черту, подчеркивая тем самым кризисное состояние эпохи, переходящей в сакральном плане от традиционного православия к некоторым карнавализованным смещениям модернизированного отечественного вероисповедания с псевдо-протестантской духовностью.

Вообще иррациональная сила, направленная Петром на разрушение Церкви, как административного учреждения, не затронула лишь религию как духовную основу существования нации. Заменив патриаршество Синодом по немецкому лютеранскому образцу, Петр и церковь умудрился приспособить к нуждам армии и все более администрирующегося государства, обложив последнюю податями и отливая из церковных колоколов пушки. «Что останется от нас, если мы разведем нашу способность к религиозной очевидности, нашу волю к религиозному мировосприятию, наше чувство непрестанного предстояния?» [10,с.12] Духовное, культурное строительство нового государства, новой империи и вынесение нового бремени, то есть постоянной готовности «незримо возрождаться в зримом умирании» [10,с.22] для русского народа невозможно было бы без веры [9,с.308], в особенности - в извечных, никакими реформами не изменяемых фундаментальных ее основаниях. Возможно Петр вполне осознавал, что разрушив Церковь «до основания», он неизбежно разрушит и саму империю как таковую; и столь характерная личная внутренняя связь человека с сакральным и властью будет также разрушена.

Социальный заказ нового общественного слоя, выработавшего свои особые понятия, не соответствовавшие никакой социокультурной действительности в Европе, язык, в котором не было места для обозначения чисто русских национальных явлений, породили сложную идею двойничества, подделки и перманентной

фальсификации всего и вся.

Строго говоря, эти умонастроения в целом характерны для эпохи карнавализации и неизбежно создают лже - мифологию, долго таившуюся в национальной культуре и вновь ожившую в результате персонифицированной силы, проводящей принудительную европеизацию страны и в силу этого враждебной религиозному сознанию русского народа. Ярким примером этому служат мифы о царе-антихристе, о немецком происхождении Петра, о подмене царя после его поездки в Европу.[12,с.482-483] Возможно, все эти мифологические упования русского народа на сохранение национального духовного и адекватного его социально-гражданского бытия и воспрепятствовали проникновению европеизации в глубь национальной России. Кроме того, нежелание адаптироваться к новым формам жизнеустройства, стремление жить сами по себе вынуждали народ осваивать глубинную Россию, Сибирь и Дальний Восток, где он был свободен от государства и Петровских реформ.

В чертах «Истинного парадиза», новой столицы России, отражаются и черты новой возникшей языковой культуры, символизирующие фантасмагорию, буффонаду и парадоксальные социокультурные реалии, переживаемые Россией того времени. Именно на границе старого и нового бытия, под влиянием романо-германской традиции, а затем и итало-французской Петр воздвиг на болотах Санкт-Петербург. «С ужасом оглядывались соседи на эти бешенные взрывы фантазии», [20,с.10] и в построенном по голландскому образцу городе Ф.М.Достоевский недаром видел нечто мистическое, сравнивая его с «фантастической, волшебной грезой, со сном, который в свою очередь скоро исчезнет, исcurится паром к темно-синему небу». [8,с.3] Возникшая из ничего, на границе реальности и фантасмагории, являясь сложным отражением внешних черт европейской культуры, новая столица сразу же «обросла» мифами и легендами. «Страна питала и никогда не могла досыта напитать кровью своею петербургские призраки». [20,с.10]

Итак, как мы уже отмечали выше, Россия XVIII века переживала глубокие социокультурные трансформации, вызванные последствиями переходного времени, преисполненного подвижности и противоречий. Голландский и немецкий языки, выступившие языковым трикстером и определившие стиль последующей модернизации страны, привели к тому, что сложное социокультурное бытие, заимствованное у Запада, уничтожило порядки и правосознание сословной доромановской России, и затем приняло ярко выраженный карнавальный характер.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 167 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России, М.:ЗАО Сварог и К, 1997.- 540с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. 3х т. М: Весь Мир, 2006.-551с. Том 1.
4. Василенко О.А. Иностранный язык как трикстер социальных преобразований и социокультурной модернизации (на примере России XVI в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12, ч. 3. С. 39-45.
5. Волошин М.А. Лирика.- Мн.: Харвест, 1999-400с., 240с.
6. Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре, М.: Социально-политическая мысль, 2006.-239с.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. Изд-е 6-е. СПб.: Глаголь; Санкт-Петербургский университет, 1995. 574 с.
8. Достоевский Ф.М. Петербургские сновидения в стихах и прозе. Харьков: БММ, Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 192с.
9. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи/Под.ред. Н.П. Полторацкого.- М.: Воениздат, 1993.- 368с.
- 10.Ильин И.А. О России: монография/И.А.Ильин. – [2-е изд.].- Москва: ТРИТЭ, 1995.-32с.
- 11.Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2007. 1020 с.
- 12.Ключевский В. О. Избранные лекции «Курса русской истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 671с.
- 13.Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
- 14.Платонов С.Ф. Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999.283с.
- 15.Пушкин А.С., Избранное, Таткнигоиздат, Казань, 1955, 696с.
16. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.1.Стихотворения: Сказки. Руслан и Людмила: Поэма.- М.: Худож. лит., 1985.-735с.
- 17.Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 768с.

18. Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624с.
19. Толстой А.Н. Петр Первый: Роман.- М.: Сов. Россия, 1986.- 720с.
20. Толстой А.Н. Хождение по мукам. М.: Комсомольская правда, Директ Медиа, 2015. 352с.
21. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012. 336с.
22. Цветков С.Э. Петр Первый. 1672-1725. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.-591с.
23. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000, 446с.
24. Babcock-Abrahams B. A. Tolerated Margin of Mess: The Trickster and His Tales Reconsidered // Journal of the Folklore Institute. 1975. Vol. 11.1.3. P. 147-186.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В.Ш. Сабилов

г. Новосибирск

ВОЙНА И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о противоречивой роли войны как социального катаклизма на формирование национальной идентичности.

Ключевые слова: война, нация, национальное самосознание, пацифизм, милитаризм, религиозно-философский смысл войны, классификация войн, русский мир.

V.Sh. Sabirov

Novosibirsk

WAR AND PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY OF RUSSIANS

Abstract: the article is devoted to the contradictory role of war as a social cataclysm at the formation of national identity.

Key words: war, nation, national identity, pacifism, militarism, religious and philosophical meaning of war, classification of wars, Russian world.

Между войной как социальным явлением и нациями как историческими общностями людей, отношением людей к войне и национальной идентификацией существуют глубокие связи и взаимные детерминации. В результате войн соединялись или разделялись этносы, возникали новые государства, а значит — и новые национальные образования. Точно также в зависимости от отношения к войне социума в целом или отдельных его частей зависит характер развития той или нации или даже ее существование вообще. С другой стороны, в зависимости от способа идентификации этноса или нации определялась их стойкость и жизнеспособность в военных противостояниях с другими этносами или нациями. Все это свидетельствует об огромной теоретической и практической значительности формулируемой нами проблемы.

Можно выделить два крайних мировоззренческих подхода к войне: пацифистский и милитаристский. Рассмотрим, каким образом они соотносятся с национальной проблемой и проблемой национальной идентичности.

С пацифистской точки зрения война есть абсолютное зло, поскольку на войне гибнут люди, а все, что служит ей: армия, военная промышленность, военная техника заслуживают однозначного нравственного порицания как орудий преступления против человечности. Пацифизм есть, по сути дела, сугубо моралистический способ восприятия войны, чреватый однако серьезными

последствиями для тех государств и народов, которые согласились бы сделать его идеологическим фундаментом своей внешней и внутренней политики. Пацифизм характерен для определенной части либерально настроенных людей. Особенно он характерен для русских либералов, как прошлого, так и настоящего. Отличительной чертой русского либерала является, с одной стороны, его фактическое презрение к России, русскому народу, его истории и культуре, а, с другой стороны, напротив, восхищение и низкопоклонство перед Западом. Свою страну и народ он считает нецивилизованными, а Запад — эталоном этой самой цивилизованной жизни. Никто так блестяще не изобразил существо либерального сознания, как Ф.М. Достоевский в трагикомическом образе типичного обывателя Смердякова, высказавшем, по сути дела, заветную мечту русского либерала: «Я всю Россию ненавижу (...) В двенадцатом году было на Россию нашествие императора Наполеона французского первого... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе»⁴⁷. Пацифизм, по сути дела, с неизбежностью оборачивается пораженчеством, разрушительные последствия которого со всей очевидностью проявились после I-ой Мировой войны, породившей в России две революции, гражданскую войну и тоталитарный режим, принесших многомиллионные жертвы нашему многострадальному народу, поставив под угрозу его существование.

Другой крайностью является милитаризм с его установками на создание в государстве мощной военной машины и решение внутренних и внешних политических проблем силовыми методами. Милитаризм, как правило, опирается на националистические идеологии, на идею превосходства одной нации над другими. Классический пример — нацистская Германия. Чем закончился «тысячелетний рейх» всем известно. В настоящее время милитаристская парадигма просматривается в политике США, обладающая самой мощной армией и вооружением, и которая в последние годы развязывала или участвовала в нескольких региональных конфликтах, не получивших, однако, разрешения в интересах их инициаторов. Здесь в качестве примеров можно сослаться на события в Ираке и Сирии, американское вмешательство, осуществленное в эти страны, привело не к установлению порядка и прокламируемых демократических режимов, а к хаосу, гражданской войне, повлекшей к многочисленным жертвам и потокам беженцев.

⁴⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30-ти томах. Т.14. Л., 1984. С.

Милитаризм - это тоже бесперспективный путь, который к тому же не гарантирует благополучие, в том числе и стране, культивирующей такую идеологию и политику.

Жизнь общества в целом и конкретных государств лишь в редкие и счастливые моменты протекает безоблачно, гармонично и конструктивно. Периоды относительно стабильного существования и развития государства и общества могут чередоваться с периодами их мучительных кризисов, вызванных внешними или внутренними факторами. Кризис как общенаучное понятие означает состояние неопределенности в функционировании и развитии того или иного объекта. Например, наступление кризиса в течении болезни предполагает либо грядущее выздоровление больного, либо летальный исход. Точно так же в жизни общества и государства кризис для них есть очень серьезное испытание, которое может разрешиться позитивным или, напротив, негативным способом. В любом случае всякий кризис обнаруживает в себе некую метафизическую глубину, свидетельствующую о том, что над человеком, обществом или государством вершатся высшие суды, окончательно определяющие их судьбы⁴⁸.

Всякий социальный кризис может сопровождаться или разрешаться рядом экстраординарных событий. К такого рода событиям в первую очередь следует отнести как раз войны.

Война – это понятие, характеризующее особое состояние в отношениях между государствами или внутри отдельного государства. Война – это ведение политики с использованием насильственных средств и с применением вооруженных сил. Но не всякий вооруженный конфликт есть война. Это означает, что войны оказались реальностью истории только после возникновения государств, т.е. после разделения общества на классы, слои, социальные группы со своими специфическими интересами. Не всякое применение оружия в различного рода общественных и межгосударственных отношениях считается войной. От войны нужно отличать вооруженное столкновение племен в родовом обществе, пограничный конфликт между государствами или, предположим, мятеж внутри отдельного государства. Войны характеризуются большим разнообразием, что требует особой их классификации. Деление войн может проводиться по разным основаниям. Если иметь в виду *масштабы* войн, *количество* участвующих в вооруженном противостоянии сторон, то они могут подразделяться на *мировые*, *локальные* и *двусторонние*. Если

⁴⁸

В переводе с греческого слово «кризис» и означает суд.

исходить из *мотивов и целей* ведения войн, то в их основе лежат факторы *религиозные, идеологические, экономические, геополитические, этнические, националистические, расовые, династические, террористические и т.д.* В *оценочном* плане различают войны *справедливые* и *несправедливые*. По *характеру действий субъектов* войны дифференцируются как *захватнические* и *оборонительные*. Особо нужно выделить *гражданские войны*, вооруженные столкновения между разными социальными группами и классами внутри государства. Безусловно, могут быть осуществлены и другие классификации войн. Причины возникновения войн столь же многообразны, как и их разновидности. Поэтому никакие абстрактные рассуждения здесь неприменимы. Нужен детальный анализ причин конкретных войн с учетом формальных поводов, к ним подтолкнувшим, а также разных факторов, способствовавших или препятствовавших их развязыванию.

Войны играют весьма противоречивую роль в истории человечества и отдельных народов. Как это ни парадоксально, в войнах есть не только разрушительное, но и созидательное начало. В них гибнут люди, народы, государства, но в то же время возникают новые государства и цивилизации. Войны меняют облик людей, народов и иначе структурируют человечество. В этом обнаруживается скрытая метафизика войны, действие высших провиденциальных сил, что хорошо осознают и чувствуют религиозно одаренные люди. Чрезвычайно интересна и показательна в этом плане история, связанная с равноапостольным архиепископом Японским Николаем (Касаткиным). Когда разразилась Русско-японская война, святитель Николай, основавший православную Японскую Церковь, перестал участвовать в общественных богослужениях. К своей пастве он обратился с посланием, в котором писал, что как русский подданный будет молиться за победу своего отечества, а православных японцев призывал молиться за победу их императорского войска, но не из ненависти к противнику, а из любви к своему земному отечеству. Религиозный смысл войны заключается в том, что она является одновременно и наказанием для народов за их грехи и преступления, и испытанием их духовно-нравственной состоятельности.

В философии обнаруживается поляризация оценок роли и значения войн в мировой истории и в жизни отдельных людей и народов. В то время когда Кант призывал к вечному миру, Гегель, напротив, пытался выявить положительное значение войн: «Война сохраняет здоровую нравственность народов в их индифференции по

отношению к определенностям, к их привычности и укоренению подобно тому, как движение ветра предохраняет озера от гниения, которое грозит им при длительном затишье, так же как народам – длительный или тем более вечный мир»⁴⁹.

В современном мире войны продолжают. Они подтверждают положение немецкого военного теоретика и историка Карла фон Клаузевица (1780–1831) о войне как продолжении политики иными средствами, чем в мирное время. Тем не менее, в связи с наличием у ряда держав оружия массового поражения всякая локальная война может перерасти в глобальный пожар, способный уничтожить все человечество. В данных условиях опасность войны и ее губительные последствия для мировой цивилизации резко увеличиваются, а ядерное оружие парадоксальным образом становится мощным фактором, сдерживающим потенциального агрессора. Это фактически означает, что одинаково ложными становятся политические стратегии, основанные на *милитаризме*, агрессивных, захватнических притязаниях отдельных государств, и *пацифизм* – идеологическое движение, отрицающее войны, армии, военную технику и военнослужащих как чуть ли не главное зло человечества.

Если отбросить два крайних, односторонних мировоззренческих подхода на войну: пацифистского и милитаристского, построенных на моралистических оценках этого сложного социального явления, то война может быть представлена как парадоксальный и антиномический феномен, в котором зло и добро перемешались самым причудливым образом. Эта характеристика войны в полной мере касается ее отношения к сфере существования, самоопределения и самосознания таких социально-исторических общностей, каковыми являются нации и супернациональные образования.

К теме войны неоднократно обращался Ф.М. Достоевский, чьи воззрения и суждения по поводу войны России с Турцией в 1877-1878 гг. сохраняют и поныне свою актуальность и чрезвычайно важны в плане углубления национального самосознания нашего народа.

В апрельском выпуске «Дневника писателя за 1877 год», вышедшем по объявлении войны Турции, Ф.М. Достоевский писал о том, что война может быть предвестием конца прежней и начала новой жизни. Ее значение не только в освобождении братских славянских народов от турецкого порабощения. «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь "братьев-славян", измученных турками,

⁴⁹ Гегель Г. В. Ф. О научных способах исследования естественного права // Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 229.

подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задохнулись, сидя в немощи растрепанности и в духовной тесноте.[...] Как видно, здесь русский писатель мыслит конгениально с великим немецким мыслителем Гегелем: «Да и вообще можно сказать, что если общество нездорово и заражено, то даже такое благое дело, как долгий мир, вместо пользы обществу, обращается ему же во вред. Это вообще можно применить даже и ко всей Европе. Недаром же не проходило поколения в истории европейской, с тех пор как мы ее запомним, без войны. Итак, видно, и война необходима для чего-нибудь, целительна, облегчает человечество. Это возмутительно, если подумать отвлеченно, но на практике выходит, кажется, так, и именно потому, что для зараженного организма и такое благое дело, как мир, обращается во вред. Но все-таки полезно оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великодушного принципа, а не для материального интереса, не для жадного захвата, не из гордого насилия. Такие войны только сбивали нации на ложную дорогу и всегда губили их. Не мы, так дети наши увидят, чем кончит Англия. Теперь для всех в мире уже "время близко". Да и пора»⁵⁰.

«Итак, - делает вывод писатель, - не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть»⁵¹.

Эти мысли великого писателя и мыслителя оказались чрезвычайно созвучны современным русским людям, вовлеченным в пучину гражданской войны на Украине, которая оказалась именно тем социальным фактором, который осуществил «выделку в человека» (выражение Ф.М. Достоевского). Приведем здесь обширную цитату из статьи Геннадия Дубового «Учу уроки войны»: «Война возвращает радость одиночества в любых условиях. Потребность в одиночестве – одна из базовых потребностей человека, целенаправленно уничтожаемых современной цивилизацией. Речь не о пресловутом одиночестве в толпе. О состоянии молитвенной сосредоточенности, которое каждому необходимо испытывать для внутреннего восстановления, духовной регенерации, без которой человек – что и наблюдается по среднестатистическим представителям массового общества – ускоренно деградирует вне зависимости от того, каков его внешний интеллектуально-образовательный, профессионально-

⁵⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август // Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30-ти томах. Т. 25. Л., 1983. С. 95, 103. Это высказывание вполне может быть применено к милитаристской политике современных США и их западных сателлитов.

⁵¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август // Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30-ти томах. Т. 25. Л., 1983. С. 100.

финансовый ценз. Только в забитом до отказа блиндаже под шквальным обстрелом или притискиваясь друг к другу на могущей в любой миг искорежится броне, дозволено испытать такое же как монашеском затворе целительное, неприступное для оккупантов-искушений живое одиночество.

[...]Смерть по духовной наследственности каждого меняет обличия, но пережитое мной не является чем-то исключительным, в чём убеждался множество раз. К слову, утверждение в мифах разных народов о том, что смерть приходит слева, не выдумка. Она всегда там, и после того случая я постоянно чувствую её присутствие. На её обволакивающе-навьи подманивания отвечать нельзя, каждый ответ ей – приятие, согласие со злом, вольно или невольно содеянным предками и тобой, подчинение "голему" из нераскаянных поступков. Отогнать смерть можно только покаянной за себя и всех ушедших молитвой.

В Мариновке, в подвале дома, где мы укрылись от минометного обстрела, пожилой раненый боец дремал в углу на мешках. Резко пробудился, закричал страшно, цапнул соседа за лицо: "Дед?! Роман?!" – "Брат, кошмар приснился? Ты успокойся, давай антишок вколем..." Глаза раненого надо было видеть. Таких глаз – как у крысы затравленных и одновременно как у святого проясненно-нездешних ни видел я ни до ни после. Успокоившись, он поведал: "Дед ко мне приходил. Как живой. Только не совсем он... Лицо его, а он – это они все..." – "Кто – все?" – "Ну, все...деды-бабки-батьа-дяди-тетки мои...которые умерли... будто все они живые и неживые...и дед рассказал...нет, не так – показал... как человека в Отечественную, под Минском убил...зря убил...пленного...штыком заколол...в спину воткнул... я отругал его, прогнал...а дед Роман меня воспитал...батьа спился, сгорел..." – "Ты успокойся, штыками сейчас не колют, а мина сюда не залетит". Встретил я его спустя почти три месяца, в аэропорту. Он уже был в "Оплоте". Напомнил: "Ну что, дед Роман больше не приходил?" – "Нет. Заупокойные записки подают за всех моих, и за деда, в монастыре на проскомидии поминают. Смотри, – повернулся он ко мне спиной. – Видишь, слева, дырка в рюкзаке? Осколок. Длиннющий, как штык винтовки Мосина. Рюкзак набитый и броник насквозь, а кожу чуть проколол. За деда молюсь теперь постоянно. За всех своих, кто уже там, – глазами указал на продырявленный свод ангара, – молюсь". Мертвые – в каком-то смысле изнанка живых, они открывают нам то, что без жертвенной их смерти навсегда осталось бы от нас сокрытым. То, как человек умирает, форма его ухода из этого мира – это всегда

некий шифр, который Бог предлагает разгадать ещё живым. Сам процесс разгадки, искренняя попытка понять, почему так, а не иначе ушёл человек – меняет личность того, кто ищет ответ. А если человек духовно не застыл, в поиске разгадки, меняется, то из этого мира уходит ему ещё не время. По большому счету война учит одному – собственным опытом на собственный, лишь воину понятный язык переводить сказанное в Евангелии с единственно значимой в этом мире целью – умереть так, чтобы форма смерти обеспечила посмертное не-отсутствие, но реальное содержание. А каким оно будет, зависит от безоглядного порыва к тому, что никак не вытекает из всей предшествующей жизни человека, не тождественно ничему в его опыте, но предлагается свыше как очевидная невозможность и безусловная абсурдность, которые, вопреки всему мыслимому – спасительны. Война суть норма исключительности; она делает всё парадоксальное тривиальным, а все противоречия переплавляет в последовательное движение к безусловной ясности и целостности восприятия.

Что испытывает в каждом в бою воин, то есть тот, кто сражается не ради земных благ и славы, но против силы, порождающей войны? Точь-в-точь то же, что приговоренный к гильотине преступник (ибо для мира, лежащего во зле стремление к Источнику Добра – преступно). Каждый миг боя и всё, что длится сейчас в Новороссии суть четверть секунды бесконечного одиночества и абсолютной жертвенности. И это – главный урок войны».

С первого боевого задания и доныне я молился и молюсь так: "Создатель и Спаситель мой, невозможного для Тебя нет, яви милость Свою: сделай, чтобы я не убил того, кто не хочет убивать, а раненый мною не стал бы увечным". Только раз, во время сражения в аэропорту, ослепленный страстью отомстить любой ценой, я забыл об этой молитве и – во тьме у передовой позиции рухнул в яму. Лечусь. Учю уроки войны. Каюсь»⁵². Так и только так может формироваться подлинное, глубокое, духовно-созидательное национальное самосознание человека, а народ, где такие люди составляют пассионарный костяк, делают нацию живой и великой, перед которой открываются не только пути светлого будущего, но и врата блаженной вечности.

В заключение несколько слов о русском мире. Понятие русского мира непосредственным образом связано с проблемой войны и мира. Было бы некорректным понимать его исключительно как геополитическое понятие, а расширение русского мира как попытки

^{52 52} Дубовой Г. Учю уроки войны // Русская весна /

реализация геополитических амбиций России, стремление ее к гегемонии и т. п. Если вспомнить историю, то в большинстве случаев вхождение того или иного народа в состав Российской империи или Советского Союза гарантировал ему существование и развитие, альтернативой которому было уничтожение или закабаление агрессивными соседними государствами. Так было с Грузией, Арменией, Среднеазиатскими странами. Вхождение в состав России гарантировало им мир, мирное существование в составе русского мира. Очень красноречивыми являются недавние события в Крыму. Именно год назад понятие «русского мира» стало не только широко употребляемым, но и неким ценностным идеалом. Не войди Крым в состав русского мира, сейчас там полыхал бы пожар гражданской войны, как в Донбассе.

После Великой отечественной войны 1941-1945 гг., по сути дела, стал оформляться огромный русский мир, официально называемый и СССР и советским народом. Он был суперэтническим образованием и именно миром между народами, населявшими территорию большой страны. Выдержав суровые испытания и одержав великую победу в страшной войне, советские люди как никогда были едины и дружба народов, скрепленная фронтовым братством, окропленная кровью, не была мифической, но действительной и чрезвычайно прочной.

Многие войны сыграли позитивную роль для России в плане ее собирания, национального оформления, формирования национальной идентичности: война с поляками в 1612 году, Великая отечественная 1812 года, русско-турецкая война в XIX веке, Великая отечественная 1941-1945 гг. Самое светлое, что помнят люди, жившие в советскую эпоху — это дружба народов, которая действительно была, несмотря на исключения, которые, как известно, лишь подтверждают общее правило.

С.И. Чудинов
г. Новосибирск

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЫЗОВЫ ТУРБУЛЕНТНОГО СОЦИУМА

Аннотация: в статье рассматривается теоретико-философская основа стратегии национальной безопасности Российской Федерации и предлагаются некоторые направления ее усовершенствования соответствии новым вызовам турбулентного социума.

Ключевые слова: национальная безопасность, социальная философия, турбулентное общество, онтология общества, историческая миссия России.

S.I. Chudinov
Novosibirsk

THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CHALLENGES OF THE TURBULENT SOCIETY

Abstract: the article presents an analysis of the theoretical and philosophical basis of the national security strategy of the Russian Federation. It offers some directions of its improvement in accordance with the new challenges of turbulent society.

Key words: national security, social philosophy, turbulent society, ontology of society, historical mission of Russia.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-33-01310.

Современная историческая эпоха крайне противоречива: она характеризуется ускорением технологического прогресса и расширением каналов коммуникационных связей между людьми в глобальном масштабе, но расшатыванием всех опор индивидуально-личностного существования и стабильности общественной системы. Это состояние, которое проявляется в приобретении социальными процессами качества турбулентности, имеет своим корнем помимо иных фундаментальных причин существенные изменения в общественном сознании – в формирующемся глобальном социуме побеждает социально-номиналистическая или сингулярная философия общества. Беда современной эпохи заключается в повсеместном распространении релятивистского мировосприятия: все существующее в мире сводится к имманентному существованию, а последнее наделяется качествами изменчивости, неустойчивости,

временности, относительности, бессущностного явления, исчезающего в каждый момент существования.

Эти представления, в свою очередь, отражают формализацию и механический характер социальной связи между членами общества, а также смены темпоральной модальности самосознания общества. Современное общество устремлено целиком к настоящему моменту (немедленная реализация интересов и желаний) и будущему, что разрушает преемственность культурно-исторических эпох и стадий развития общества. Историческое и социальное вовсе не принадлежит целиком временному, тленному и относительному существованию, поскольку «все временное, во всей своей изменчивости и мимолетности, есть выражение и воплощение сверхвременно-общих начал»⁵³. Обретение устойчивости социального бытия может быть только на путях поиска незыблемых начал социальности, а не волюнтаристски конструируемых социальных объектов, чем увлечена современная эпоха.

В условиях глобально дестабилизированного мира и возникновения новых угроз концепция национальной безопасности должна обрести соответствующую форму. В Российской Федерации принято несколько федеральных документов, закладывающих основы современной концепции национальной безопасности, среди которых основополагающей является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (принята и утверждена Президентом В.В. Путиным в 2015 г.)⁵⁴. Следует отметить, что эта стратегия следует новым тенденциям в теоретическом осмыслении безопасности, но при этом требует некоторого расширения и уточнения в свете новых угроз турбулентного общества.

Стратегия достаточно широко определяет понятие безопасности и структурирует угрозы и направления обеспечения безопасности по сферам социальной жизни. В понятие безопасности включены не только геополитические и военные угрозы, задачи обеспечения обороноспособности страны (те компоненты, которые составляют ядро реалистической и неореалистической концепций), но также и проблемы обеспечения достойного качества и уровня жизни, защиты духовно-нравственных ценностей и культурной самобытности России. Принципиально новым в этой Стратегии стало специальное выделение и высокая оценка значимости защиты традиционных для страны духовно-нравственных ценностей.

⁵³ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 28.

⁵⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // www.pravo.gov.ru

В частности, отмечается важность наличия «устойчивой основы» для дальнейшего наращивания потенциала не только в сферах, напрямую ассоциируемых с безопасностью – экономической, политической и военной, но также «духовного потенциала» Российской Федерации (II, 7).

В ряду основных угроз и видов деятельности, угрожающей государственной и общественной безопасности (со стороны радикальных общественных объединений и группировок с националистической и религиозно-экстремистской идеологией, иностранных и международных неправительственных организаций и др.), упомянуто «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (IV, 43). В деле же сохранения и приумножения традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей, а также укрепления единства многонационального народа Российской Федерации первостепенная роль отводится культуре. Культурная сфера общественной жизни высоко оценивается в данном контексте, о чем говорит введение специального понятия «обеспечение культурного суверенитета» (IV, 82).

Все эти положения Стратегии свидетельствуют о ее следовании современным тенденциям в теории безопасности и достаточно широком охвате различного вида угроз общественной и государственной безопасности, распределенных по сферам политики и геополитики, оборонной сферы, экономики, здравоохранения, экологии, наконец, культуры и сферы науки, технологий и образования.

Однако помимо достоинств действующей Стратегии в Российской Федерации следует отметить и ряд аспектов, которые могли бы усовершенствовать идейно-философские и концептуальные основы стратегии безопасности.

Формулирование любой концепции или стратегии национальной безопасности будет жизнеспособной теоретической конструкцией при учете социокультурного измерения интерпретации и практической реализации системы безопасности, т.е. в конкретных координатах ценностного общественного сознания, ментальных особенностей нации, социальных и культурных аспектов практик обеспечения защиты социума от внешних угроз и внутреннего распада.

Для менталитета русского народа свойственна ориентация на абсолютные ценности⁵⁵. А это означает повышенную потребность

⁵⁵ Сабиров В.Ш., Соина О.С. Идея спасения в русской философии. СПб., 2010.

четко обозначенном и интуитивно схваченном общественном идеале (при этом вовсе не обязательно сформулированным в категориях политической идеологии). Национальный дух русской культуры никогда не удовлетворялся половинчатыми и компромиссными решениями фундаментальных проблем духовности и этики, а также утилитарно-прагматичным отношением к социальной действительности и жизни вообще. Последнее свойственно англосаксонскому менталитету вкупе с ориентацией на всеобщее соревнование, конкуренцию, жесткую социальную селекцию в экономической и политической сферах. Для русского человека прагматизм – это усеченный разум, далеко отстоящий от идеала соборности в истине, духовности и социальном бытии.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации должна учитывать не только текущую геополитическую ситуацию, но также и задавать фундаментальные, инвариантные ориентиры для стабильного развития как нашей страны, так и мира в целом. Эта задача уже непосредственно выводит нас к вопросу об исторической миссии России. Россия как неотъемлемая часть человечества, имеет свою особенную историческую судьбу и свое предназначение. Однако вопрос о последнем составляет предмет не только социально-философского знания и философии истории, но также граничит с теологическим восприятием истории и религиозными эсхатологическими категориями. По понятным причинам фиксация объективного смысла исторического предназначения России должна остановиться у этой черты, сохраняя автономию светского и религиозного знания.

Историческая миссия России в терминологии предлагаемой нами теории безопасности и современных философских категорий может быть сформулирована следующим образом. Российская цивилизация, сохраняя свои традиционные национальные духовно-ценностные ориентиры, стремится стать очагом стабилизации турбулентности, захлестнувшей как социальный мир в целом, так большинство стран (причастных к становящемуся глобальному социуму) в своеобразных социокультурных формах по отдельности. В эпоху идеологических и вполне реальных атак на национальный суверенитет государств в совершенно различных регионах геополитического мира, Россия, опираясь на свой уникальный исторический опыт, может продемонстрировать пример сочетания вселенской универсальности (реализации идеала не «общечеловеческой», но «всечеловеческой» цивилизации⁵⁶) с

⁵⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

приверженностью к национально особенной культурной почве, только укоренение в которой и способно привести конкретный народ к духовно-нравственной универсальности, всечеловечности.

Историческую миссию России можно обозначить так: сохранение и развитие России как крупного центра цивилизационного порядка и мировой стабильности. На фоне всеобщих тенденций виртуализации социальной реальности и ее отрыва от онтологической основы российская цивилизация становится центром реонтологизации социума.

Исторический путь развития России в XXI веке способен продемонстрировать (и это должно быть целенаправленной конструктивной геополитической и исторической задачей) жизнеспособность социальной модели развития в условиях турбулентности, крайней неустойчивости социального существования при опоре на консервативные национальные духовные и нравственные ценности, а также ориентации на целостность культуры и общества и противодействие тенденциям онтологического распада человека на фрагментированные компоненты. Задача преодоления турбулентности не может быть сведена к политическим решениям и экономической политике, но должна быть поставлена в плоскости более фундаментальной – в рамках проблемы возврата онтологических основ социуму, который при их замене на неподлинные и виртуальные связи, стремительно движется к распаду социальных «тел» как на макро-, так и на микроуровнях.

Проблема онтологичности социального бытия не может быть сведена к вопросу о стабильности паттернов повседневного существования (поскольку это чисто видимое, эмпирическое состояние, вовсе не свидетельствующее об устойчивости и незыблемости фундамента, на котором строится социальное бытие), или же прочности государственных институциональных основ порядка, которые лишь внешне скрепляют «тело» общественного целого. Онтологичность может быть обретена при поддержке естественных, органических и духовных связей между личностями, образующими социальные субъекты, и социальными объединениями, приобретающих тем самым большую прочность и устойчивость.

В социуме XXI в. должное развитие и гармоничное сочетание должны получить два начала социальности, обозначенные С.Л. Франком в качестве «внешней общественности» и «соборности»⁵⁷. Единственный жизнеспособный идеал будущего должен располагаться между «Сциллой» этатизма, нового культа

⁵⁷ Франк С.Л. Указ. соч.

авторитарного государства (в том числе, в виде транснационального мирового правительства) и «Харибдой» волюнтаристски конструируемых культурных идентичностей, ведущих к цивилизационному и социальному распаду. Россия должна принять на себя роль центра возрождения и реонтологизации социума, скатывающегося в культурно-нигилистическую и историческую катастрофу. Идеал России противостоит идеалу некритически принимаемого многими политическими элитами и интеллектуалами Запада глобального социума, ведущего к новой колониальной системе под лозунгом глобального обеспечения «режима прав человека».

В Стратегии национальной безопасности в недостаточной степени освещена актуальность и все возрастающая роль органичных самоорганизующихся социальных единиц – естественно исторически сформировавшихся сообществ (этнокультурных, национальных, этноконфессиональных) и объединений гражданского общества, имеющих онтологическую основу. В некоторых сферах обеспечения безопасности роль общественного контроля и гражданской саморегуляции незаменимы. Это сферы преимущественно внеправового регулирования и защиты от информационно-психологических атак на общественное сознание, экспериментов с радикализацией мировоззрения и нравственного сознания. Мы имеем ввиду культурную, нравственно-эстетическую и духовные сферы, включая межконфессиональные отношения.

Угрозы в культурной сфере достаточно подробно описаны в действующей Стратегии национальной безопасности и правильно распределены приоритеты в обеспечении безопасности в данном направлении. Однако следует выделить как относительно автономную духовную сферу (не разнзначную сфере культуры), которая, с одной стороны, непосредственно связана с проблемой безопасности человека (как личности), а с другой стороны, выводит нас к вопросу о духовных основаниях социальности.

В более кратком определении духовная безопасность может быть объяснена как категория в большей степени экзистенциальная, нежели культурологическая. Она связана с угрозами выпадения как человека, так и социальных групп в неаутентичные формы бытия, где личностное поглощено или захвачено чуждыми началами. Духовная безопасность личности может быть определена как устойчивость личности к атакам на уровне мировоззренческих смыслов и манипуляций в отношении ценностного чувства. Актуальность проблемы духовного измерения безопасности все более возрастает в современную неустойчивую в своих культурно-ценностных

основаниях эпоху в связи с появлением и быстрым качественным развитием новых форм войны и вторжения во внутренние дела общества и государства. Сами угрозы общественной и государственной безопасности России приобретают характер информационных и психологических войн, попыток идеологического и социокультурного перепрограммирования образа мыслей и социальных привычек населения страны с целью ослабления суверенитета и усиления уязвимости к политическим манипуляциям, исходящим от внешних агентов.

Кратко резюмируя сказанное следует заметить, что концепция национальной безопасности должна опираться на основополагающий тезис о сочетании в развитии российской цивилизации универсальности с самобытностью, а именно универсальности исторической миссии России, соединяющейся с сохранением укорененности в национальной культурной почве, углублением культурного, духовно-нравственного национального достояния, что может стать основой для стабилизации социального бытия и выхода из глобальных турбулентных процессов, которыми охвачен современный мир. Предложения по усовершенствованию формулировок Стратегии сводятся к двум направлениям.

Во-первых, в Стратегии следует лучше акцентировать внимание на тот факт, что учет духовного измерения в сфере национальной безопасности и стабильного развития страны непосредственно связан с задачей реонтологизации оснований общественной жизни, обретением ей аутентичных форм бытия, свойственных для человека и общества. Во-вторых, в ней следует уделить большее внимание развитию локальных сообществ, содействующих укреплению общественной безопасности, роль которых в будущем в данной сфере будет только увеличиваться.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТУПИЧОК

О.С. Соина
г. Новосибирск

МЫСЛЁНКИН И ВЕЧНО-ЖЕНСТВЕННОЕ

Пришел как-то Стократ Платонович домой в надежде слегка прийти в себя от трудов праведных на тяжелой ниве просвещения, отягощенных по ходу дела парой кружек «Клинского». Ну, конечно, и в надежде сытно отобедать, чего Бог пошлет, да и остограчиться чуток за честно прожитый день, да прилечь на старый продавленный диван, чтобы пережить все перипетии дня минувшего и уж, когда дело пойдет к ночи, приласкать по привычке свою жену Ксению (которую Мыслёнкин в полном соответствии с классической философской традицией ласково именовал Ксан-Типою, то есть по-простецки и любовно – просто Типочкой).

Однако, открывши дверь своего панельного жилища, и восставши у порога, Мыслёнкин опытным нюхом многократно травимого супружеского животного учуял: обедом не пахнет, в воздухе скопилась странная предгрозовая атмосфера, и носятся вокруг его несчастной головы какие-то вихри то ли ураганов, то ли смерчей; и вот-вот они завоюют и запляшут вокруг него со всем ужасом и непреложностью.

Тут вдруг ясно осознал великий мыслитель современности, что носитель всего этого грозящего внезапно материализоваться зла есть его возлюбленная Типочка; и, судя по перманентно нагнетающейся в жилище инфернальной атмосфере, впереди у него тяжкие испытания, которые надо как-то с философическим спокойствием преодолеть и при этом мужинского достоинства не лишиться.

Тут вдруг по квартире тяжелые шаги раздались, и все вокруг Мыслёнкина задрожало и зашаталось ровно от землетряски, и прямо перед ним обнаружилась Типочка вроде бы в обыкновенном, многократно изученном супружеском оком Стократа Платоновича виде – в извечных бигудишках на протравленной всякими осветляющими составами голове; огромной бугристой грудью, призывно выглядывающей в разрезе перманентно засаленного халатика и в растоптанных шлепанцах на крупных мускулистых ногах с явно наметившимися дырами в области больших пальцев... увы без педикюра, татушек на щиколотках и уж, конечно, без пленительных ножных браслетов.

Обозрев все это многократно облюбованное женино великолепие, Мыслёнкин рискнул поднять глаза повыше и, так сказать, узреть

опасность лицом к лицу, и тут охнул и весь задрожал от недоброго предчувствия. Увидел он внезапно, что неопределенные и слегка расплывшиеся от превратностей жизни очертания физиономии Типочки превратились в некое подобие античной маски: скулы заострились; подбородок напрягся и выставился вперед; рот змеится недоброй улыбкой, а глаза (вот ужас-то!) до такой степени налиты ненавистью, что того гляди либо испепелят ... ну, прям, на месте; либо до полного окаменения доведут и восстанешь у порога дома в виде статуи Командора, не иначе.

Тут возникли в сознании у бедного Стократ Платоновича некие античные аллюзии и успел он подумать следующее: «Ишь ты, как она в виде Медузы Горгоны выставилась! Прямо, прости Господи, лернейская Гидра и счас ядом плевать начнет, ох, и куда же деваться-то?»

И только он успел это подумать, как Типочка ротик свой открыла и говорит:

- Ну, что приперся, кобель, из меня соки-воды пить?

- Так, куда же мне, Типочка, деваться-то? Я ведь в родное гнездо лечу, как любящее начало к любимому существу и, конечно, тепла и уюту жажду...

- Тепла и уюту захотел? А может еще и до жратвы доберешься? А скажи-ка мне, твою мать, любящее начало, ты на эти удовольствия заработал или нет?

- Ну, Типочка, Афродита ты моя простонародная, ты ведь знаешь, что я все денежки аккуратно до последнего обола, то есть до копеечки тебе приношу и ничегошеньки (вот, чеслово!) от тебя не заначиваю и уж я не понимаю окончательно, чего ты так на меня взъярилась-то?

- А то взъярилась, Мыслёнкин, что то, что ты мне таскаешь уже практически и не деньги, а пыль российских дорог; и если дело так и дальше пойдет, то ни питания, ни проживания в тепле и уюте и уж тем более никаких супружеских удовольствий тебе на них не полагается. Обособляю я тебя от всех человеческих радостей и привычек, понял, скот? Ну, как там у ваших классиков писано: «Кто не работает, тот и не есть!» Вот, стало быть, и я с тобою так поступать намеруюсь.

- Да, Типочка, наяда ты моя белорукая, ведь я с утра до вечера по урокам шляюсь, все ботинки истоптал и свету Божьего не вижу; и ведь только какая-нибудь вконец развращенная мегера может попрекать меня, самого Мыслёнкина, небрежением к своему великому делу! Понятно ли тебе это, сосуд пороков и развращения!?

- Я тебе, сволочь, сейчас дам сковородкой по голове и за пороки и за развращения; но поскольку мы с тобой в правовом государстве живем-

то, я от насилия на сегодня решила воздержаться, хотя руки ужас как чешутся... прям до страсти. А тебе вот что хочу сказать: ты мне это поганое днище (как сейчас толкуют) за жизнь не выдавай. Вот я тут недавно прочитала твою ольдскую пакость, из которой ты студентам лапшу режешь и на уши вешаешь и много чего поняла. Вот поняла я, паскуда ты эдакая, как надо правильно к женщинам относиться и за людей их держать. Там у древних-то ваших все по делу описано, а вы, подлецы, от нас все скрывали, чтоб мы не поняли, как с вами обращаться надобно, когда вы, гадюки, свои супружеские обязанности забывать начинаете! Тут я в такую гендерную конспирологию въехала, что сама скоро за диссер сяду, понимэ?

- Да, Господи, Типочка, что ж ты такое у древнейших открыла-то, чего я не знаю? Кажись все постиг до тонкостей, ну, правда, соглашусь, что за это денег приличных сейчас не дают уж... Но мыслитель на то и мыслитель, чтоб время от времени претерпевать страдания вместе с чадами и домочадцами...

- Ты мне балду на уши не вешай, я не студент, сказано уже. А нищий-то ты потому, что знания свои разнесчастные толком монетизировать не умеешь... А вот я, в отличие от тебя, баба простая и неученая, поняла в лучшем виде как это делается, да еще постигла, почему с такими, как ты, нет у баб ни любви, ни пользы.

- И что ж ты такое, Типочка, открыла-то? Ну, нереида златовласая, поделись, как ученая с ученым!

Тут Типочка слегка приосанилась, запахнула халатик и, присев на коридорную табуреточку, начала вещать хорошо поставленным голосом пифии такое, от чего у Стократ Платоновича вдруг стали шевелиться волосы на его несчастной голове.

- А знаешь ли ты, Мыслёнкин, - начала Типочка, вперяя в мужа холодный пронизательный взгляд неопределенного цвета узких глазок, святящихся в полутьме коридора ровно как у кошки – что я вот досконально изучила эту вашу ольдскую пакость, где, ну, подробнейшим образом описано как собрались мужики явно нетрадиционной ориентации на тусовку, хорошо подбукнули и под такое дело давай о любви балаболить как будто всамделе право на нее имеют. И вот несли они всякую пургу, и друг перед другом лахудрились, да ни до чего толком не дошли, пока не появилась среди них, тупорылых, одна ужас какая толковая баба и всех их натурально урыла. Ну, докумекал, о чем я речь веду, хвилософ самопальный?

- Это она должно каким-то образом Платонов «Пир» прочитала, - смутно мелькнуло в голове Мыслёнкина, однако обнаружить свою догадку вслух он не решился и робко Типочку спросил:

- И чем же она тебя, нимфа ты моя телеснонеобъятная, поразила?
- А вот тем, мыслитель ты мой недоделанный, что пока все эти полумужики про любовь жуткую хрень разводили, эта баба-то и говорит им реальной некуда: «Любовь – это воспроизведение на свет в прекрасном!» И никаких гвоздей, уразумел, дурында?
- Да я, Типочка, это изречение как свои пять пальцев знаю и уж никак не пойму, какой-такой ты из него сокровенный смысл вынести догадалась?
- Да где ж тебе и понять-то, поскольку понимания вечно-женственного и вечно-прекрасного начала у тебя на три копейки в базарный день и то, скажу тебе, это большая переплата. А донести до вас... (тут Типочка употребила очень крепкое и смачное слово, давно перешедшее в разряд обценной лексики) эта супер-пупер умная тетка хотела следующее. Вот внимай и трепещи, скот ты недостойный. Ну, стало быть, первым делом тетка говорит, что любовь-то тогда возникает, когда возлюбленный объект любящие его постоянно *воспроизводят* в прекрасном, то есть холят его, лелеют, доставляют ему разные телесные удовольствия – ну, там возят по СПА-салонам, клиникам красоты, на тату, педикюр, маникюр, конечно, а параллельно питают его в ресторанах, а затем доведя до максимального телесного и духовного совершенства, отправляют в бутики, ювелирки и, таким образом, уж максимально «воспроизведя в прекрасном», выводят в люди, то есть, «на свет» и тогда объект любви, ну, уж, разумеется, разнеживается до экстаза и никак не может на чувства возлюбленного не ответить! Вот ты скажи, какое у тетки реальное понимание гендерных процессов было, а? Да ведь еще на заре человечества!!! А вы-то, подлейшие мужичонки, от нас, глупых баб эту вековую тайну любви скрыли и, таким образом, подозреваю конспирологически исказили всю половую историю человечества! Ну, а я-то, я всю эту подноготную вашей исторической подлости постигла и теперь, Мыслёнкин, меня на мякине не проведешь и на кривой кобыле ко мне не подъедешь, уразумел?
- Да я. Типочка, никак не возьму в толк, каким же образом эта твоя герменевтика на наши супружеские отношения влияет?
- А сейчас я тебе это наглядно объясню, на практике, которая как вы, идиоты, заявляете, и есть критерий истины.
- И с этими словами Типочка вдруг протянула Мыслёнкину свою крепкую пухлую ладошку с давно облупившимся маникюром и грозно его спросила: «А как ты считаешь, идиот, где у меня главное эрогенное место?»

Тут надо вам сказать, что Мыслёнкин, в общем неплохо

представляя себе телесные стати своей Типочки, опешил просто до онемения и стал мямлить нечто невразумительное, ссылаясь на пресловутую точку «G», которая то возникает, то исчезает и потому отыскать ее среди женских прелестей бывает дьявольски трудно, даже опытному в любовных делах мачо, не говоря уж о затурканном жизнью философе.

Слушала, слушала Типочка этот маловразумительный вздор, да и говорит: «Зашквар все это, как я посмотрю. А ведь главное эротическое место у меня вот оно, - и ладошку свою прямо в нос Мыслёнкину тычет, - и если ты ежедневно будешь мне туда класть, ну, скажем, пяток косарей, то будет тебе и питание, и убаживание, и нежности и даже, отчасти, понимание».

Тут Мыслёнкин задрожал мелкой дрожью и в уме быстро прикинул во сколько ему обойдется «воспроизведение на свет в прекрасном» его несравненной Типочки, по новейшим Типочкиным же расценкам.

«Итак, значит за 10 дней я ей полтоса выложу, потом еще столько же и к концу месяца 3 полтоса как отдать да за что бы это? Тут никаких сестерциев не хватит и гетерку принанять и проще, и бюджетнее». Однако вслух он эти свои расчеты обнаружить не решился и скромно так полюбопытствовал:

- А не кажется ли тебе, Типочка, амфора ты моя крутобедрая, что цена вопроса уж слишком велика, а? Может ты мне, по старой памяти скидку сделаешь или когда-нибудь акционную систему введешь?

- Да никогда! – взревела Типочка так жутко и громогласно, что в прихожей одна за другой начали лампы с грохотом перегорать и лопаться. – Да понимаешь ли ты, подлец, что я себе полный апгрейт и реновацию произвести хочу и первым делом решила под единорога покраситься, а на это ужас сколько бабла надо!

- Под единорога! – ахнул Мыслёнкин и в ужасе спросил: «Это что ж такое, Типочка, в натуре будет?»

- А это, мурло ты стоеросовое, означает, что я вся буду сиять и переливаться, поскольку на башке у меня все волосы будут отливать всеми цветами радуги, понимаэ?

Мыслёнкин закрыл глаза и представил Типочку в виде единорога и образ этот был столь ужасен и до такой степени превосходил всех чудовищ из античной мифологии, что наш великий мыслитель современности наконец-таки собрался с духом и нашел в себе силы возразить:

- Нет, Типочка, говорю тебе внятно и категорически, что такая твоя вечно-женственная суть меня никак не устраивает; и уж коли ты

так непреклонна в своих ко мне притязаниях, то я и сам от тебя обособляюсь: живи себе потихоньку и «воспроизводись на свет в прекрасном» на каких-нибудь чужих основаниях!

«Так не принимаешь ты мои условия, скот? - грозно возопила опять Типочка и вознамерилась было перейти к традиционному супружескому воспитанию; но одумалась, утихла, а затем вдруг взгромоздилась на стул и обратилась к Мыслёнкину со стихами следующего содержания:

Должна же прилепиться я к мужчине,

И вот связалась с ним по той причине,

Но не нашла в нем никакого дара.

Нет, ворон, мне, лебедушке, не пара!

Цветок чудесный, на навозной куче, я гибну от тоски на сердце жгучей,

Нет, золотому кирпичу не сжиться в единой кладке с грязной черепицей!

Затем, смерив Мыслёнкина презрительным взглядом, она удалилась в спальню и крепко захлопнула за собой дверь, давая тем самым понять, что спать он будет в кабинетике, на старом продавленном диване и, судя по всему, питаться будет только «Дошираком», ибо иного ужина для него явно не было предусмотрено.

Повздыхав, опечаленный Мыслёнкин устроился на своем жестком и одиноком ложе и, слегка ошалев от всего пережитого, погрузился в сон, исполненный таинственных и мистических предчувствий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ежов Виктор Семенович <i>г. Новосибирск</i>	доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
Василенко Ольга Алексеенко <i>г. Новосибирск</i>	аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
Игнатова Екатерина Сергеевна <i>г. Новосибирск</i>	аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
Зимбули Андрей Евгеньевич <i>г. Санкт-Петербург</i>	доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
Панова Юлия Владимировна <i>г. Новосибирск</i>	аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
Сабиров Владимир Шакирович <i>г. Новосибирск</i>	доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
Соина Ольга Сергеевна <i>г. Новосибирск</i>	доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики
Чудинов Сергей Иванович <i>г. Новосибирск</i>	кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики